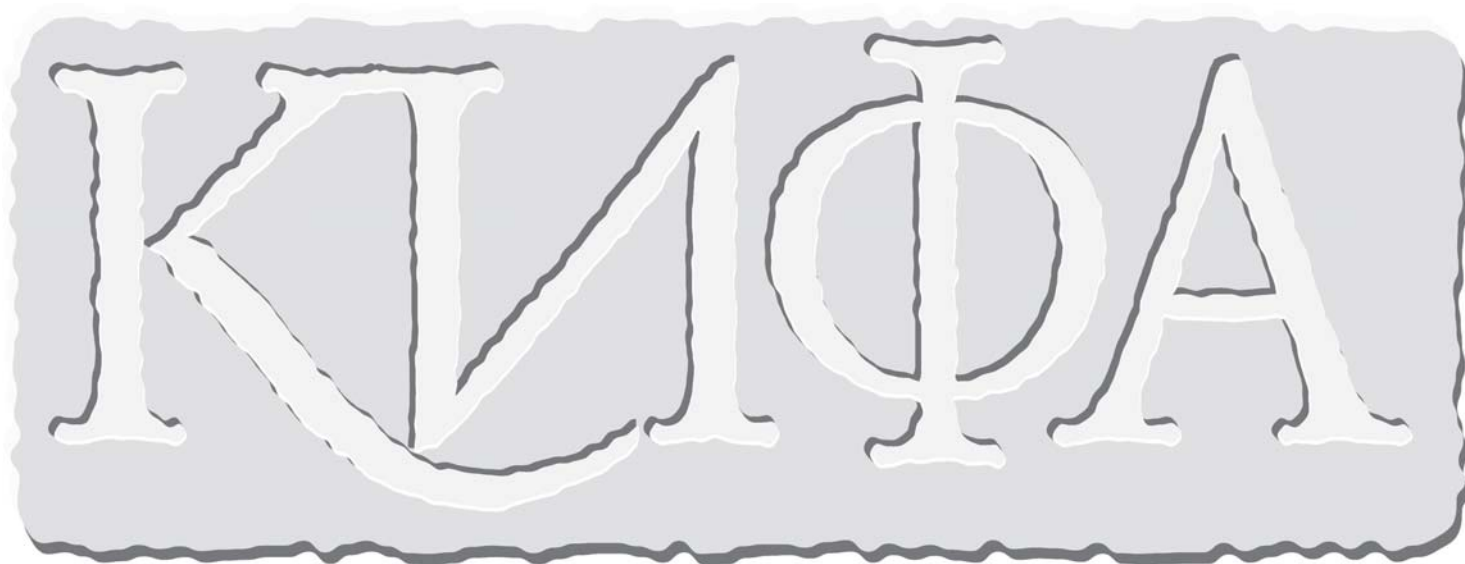

6 (144)

май 2012

Издание
Преображенского содружества
малых православных братств

В газете использованы
материалы сайтов sfi.ru и psmb.ru
Электронная версия газеты gazetakifa.ru

Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви

«Я ЕЩЕ НЕ ВСЕ СДЕЛАЛ»

Исполнилось сто лет со дня рождения архиепископа Михаила (Мудьюгина)

Церковный путь будущего архиепископа начался очень рано. Его мать была членом Александро-Невского братства, созданного и возглавляемого исповедниками веры иеромонахами Иннокентием (Тихоновым) и братьями Гурием и Львом (Егоровыми). В 1930 г. по делу братства восемнадцатилетний Михаил вместе с матерью был арестован и содержался в тюрьме.

Всю свою жизнь архиепископ Михаил помнил и старался воплощать в жизнь заветы той церковной среды, в которой был воспитан, в особенности — идеи, которыми вдохновлялись новомученики и исповедники российские, деятели Московского собора 1917–1918 гг., будучи, таким образом, одним из немногих архиереев, сохранивших не только иерархическую, но и духовную преемственность с тем лучшим, что было в Российской церкви до трагедии 1917 г. Особенно он ревновал о просвещении народа Божьего и в связи с этим — о доступности и понятности в церкви слова Божьего — в чтении Священного писания и в богослужении в целом. «Каждое слово в церкви должно быть полезным, должно ложиться в ум человека и его сердце», — говорил он и старался делать все, чтобы это стало реальностью.

Владыка говорил о необходимости церковного возрождения. Он поддерживал литургическое обновление и общинно-братское движение. Считал необходимым использовать русский язык в богослуже-

1968 г. Фото с сайта: isidorovskaya.spb.ru

нии, так как понимал, что множество людей из-за отсутствия этого встречают непреодолимые препятствия на пути к Богу и в Церковь.

Он мечтал о том, чтобы в Русской православной церкви возродилось подлинное служение евхаристии всем народом Божиим, чтобы не было никаких перегородок — ни видимых, ни невидимых — между клиром и народом.

Священник Георгий Кочетков, который учился в Ленинградской духовной академии в годы, когда там преподавал владыка Михаил, позднее говорил, что много общался с владыкой и быстро с ним сблизился: «Это произошло настолько естественно и прочно, что мы воспринимали его как члена братства, хотя формально он в него не входил».

Окончание на с. 8

В номере:

Non licet vos esse:
вам не дозволено
быть

25 апреля в доме Культурно-просветительского центра «Преображение» в Подмоскovie открылась выставка, посвященная 90-летию кампании по изъятию церковных ценностей

С. 3, 6–7

Об Апокалипсисе и новых путях надежды

Члены Преображенского братства, студенты и преподаватели СФИ, прихожане православных храмов Москвы обсуждают с режиссером Андреем Звягинцевым его последний фильм «Елена», получивший в 2011 году Специальный приз жюри в программе «Особый взгляд» на кинофестивале в Каннах

С. 4–5

Один из самых ярких архиереев второй половины XX века

Главной его отличительной биографической чертой была всесторонняя образованность

С. 8

В приложении «Миссионерское обозрение» — окончание интервью «Четверть века размышлений или из каких людей получают катехизаторы», а также статья, проповедь и интервью, посвященные второму потоку пасхального воцерковления

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА РАЗМЫШЛЕНИЙ ИЛИ ИЗ КАКИХ ЛЮДЕЙ ПОЛУЧАЮТСЯ КАТЕХИЗАТОРЫ

Интервью с ректором Свято-Филаретовского института священником Георгием Кочетковым

Фото: Александр Стороженко

— Когда Вы впервые задались вопросом о том, как готовить катехизаторов, т.е. тогда, наверное, помощников для себя в том, что Вы делали? И что Вы тогда об этом думали?

— Это не было чем-то внешне запрограммированным, и точно сказать, когда это началось, трудно. Помню, что по

сути дела в первый раз вопрос о подготовке катехизаторов встал передо мной, когда я заканчивал писать свою магистерскую (кандидатскую) работу, где я посвящал этому вопросу целый параграф.

В то время масштабы нашей катехизации были еще невелики, и я был единственным ка-

техизатором. Мы тогда оглашали всего по одной группе, без параллельных, поэтому одного катехизатора было достаточно, да и других пока еще не было видно. Но сама логика пастырского подхода к процессам воцерковления, к вхождению людей в Церковь (в том пространстве, которое я пытался описать в так называемых «герасимовской», а затем «богдановской» статьях, опубликованных в «Вестнике РХД» в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов) — сама эта логика приводила к тому, что нужно было думать о качестве катехизации, а следовательно, и о качестве обучения катехизаторов. Именно тогда у меня возникла идея необходимости создать Высшую христианскую школу, которая сейчас существует под именем Свято-Филаретовского института.

Началось всё с расстановки главных акцентов. Понятно было, что на первое место нужно было поставить, само собою, Господа Бога. Ведь все-таки катехизация хоть и проводится че-

ловеком, но под непосредственным водительством Божиим, т.е. в первую очередь Господом. И катехизаторы вдохновляются — а вдохновение в этом деле самое главное — Божьей благодатью, а значит, Самим Богом. И если есть это Божье благословение, если есть это вдохновение в верующих людях, если есть в них неравнодушие к тем, кто ищет Бога, кто нуждается в помощи, то можно уже думать о том, как готовить катехизаторов. Ведь именно из таких людей прежде всего и получают катехизаторы: из тех, кто не просто выполняет какую-то приятную, немного педагогическую, немного социальную, немного церковную работу, но из тех, кто служит Богу всем сердцем, потому что это сердце хочет отдать Богу сам и хочет поделиться этим счастьем, этой радостью с другими людьми, начиная уже с первого этапа оглашения, даже еще с приглашения.

Окончание
в «Миссионерском обозрении»

Живоносный Источник

Проповедь диакона Августина Соколовски, преподавателя Фрибургского университета (Швейцария) и Киевской духовной академии

Христос Воскресе!

Празднование в честь Живоносного источника Божией Матери происхождением своим обязано источнику в Константинополе. В одном из кварталов современного Стамбула, называемом «Балык», что в переводе с турецкого означает «рыба», находится монастырь, где и по сей день нередко проживает Константинопольский патриарх. Этот монастырь весьма древний, и именно в нем находится источник Божией Матери, называемый Живоносным.

Рядом с монастырем — кладбище. На этом кладбище есть живые — то есть те, кто верил в Живого и Воскресшего Бога и кто ждет Его пришествия в надежде воскресения. На этом кладбище есть мертвые — те, кто, живя посреди живых, посреди тех, кто верил в Воскресшего Бога, не верил в Него и покоится в ожидании всеобщего суда.

Одно из благочестивых преданий рассказывает нам, что когда султан пришел посетить источник, а патриарх говорил ему о животворящей силе, исходящей из вод, — о силе Воскресшего Бога, исцеляющего людей, — правитель отвечал, что подобное невозможно: «Скорее рыбы заведутся в этом источнике!» Через некоторое время знамением Божиим в источнике действительно завелись рыбы. Но султан не увидел того знамения, которое Господь явил верующим.

Повествование о рыбе в христианском контексте всегда символично. Действительно, в душе каждого христианина, в душе каждого, кто верит в Умершего и Воскресшего, должна родиться рыба, имя которой — Христос. Именно рыба являлась одним из главнейших первохристианских символов. Ведь буквы греческого слова «ихфис» (рыба) представляют собой сложение первых букв имени: Иисус Христос Божий Сын Спаситель.

Живоносный источник существует и по сей день, существует в городе, который более не верит во Христа. В монастыре Источника нередко останавливаются и Патриархи Константинополя — нынешнего Стамбула. Православная община в городе весьма мала и насчитывает около тысячи человек.

Один из великих патриархов недавнего прошлого, уже в XX веке, не тот, кто когда-то разговаривал с султаном о воскресении, но патриарх почти современный нам, Афинагор, бывший весьма образованным и духовно мудрым человеком, имел обыкновение всматриваться в животворящий источник и размышлять о судьбах истории. В одной из бесед с богословом Оливье Клеманом патриарх рассуждает о том, почему Господь дарует Свою милость, являя Свои знамения, помогает христианскому городу, но потом как бы отступает. В историю приходит иная вера, а христианства более нет.

Патриарх Афинагор высказывает мысль о том, что Бог может скрыть от нас Христа, давая свободу нехристианам, чтобы очистить нашу религиозность от суеверий неподлинного. В конце истории Господь придет к тем, кто Его подлинно ждет, а не к тем, кто погрузился в бесплодие повседневного религиозного быта. Получается, что вера, утрачивающая динамику воскресения и становящаяся просто исполнением обрядов, данью неизменному благочестию, обречена.

Сегодня в евангельском чтении мы слышали о пришествии Христа в Иерусалимский Храм. В Храме Иисус находит вокруг Себя благочестивых людей, собирающих деньги на жертвы и пожертвования, имеющих при себе всё, положенное по закону: волов, ослов, овец и голубей. Но Господь разрушает все это и изгоняет торгующих из храма. Дом Отца не должен быть домом торговли (Ин 2:16).

В ответ на недоумение окружающих Иисус говорит о воскресении. Он не произносит слов о «нарушении закона», или поведении «вопреки установившимся правилам». Господь говорит о подлинном храме человеческого тела и о подлинном сердце веры — свидетельстве Воскресения. Так, в пасхальном прочтении дел и слов Иисуса из Назарета, для общины раскрывается истина о том, что вера, ставшая обрамлением повседневности, не отличается от неверия.

По словам Евангелия, окружавшие Господа не восприняли Его слов. Нельзя сказать, что они не поверили — они просто не поняли их смысла. Вскоре у них были отняты и храм, и Пришедший в него. Воскресший явился тем, кто сердцем ожидал Его и сделался способным верить, что подлинная вера и подлинное благочестие — не в соблюдении закона, не в правилах, но в ожидании, в вере, в видении, в осознании и жизни по правде Воскресшего.

Наша вера, наше христианство, наше православие должны быть динамичны. Они призваны нести свет воскресения всем тем, кто вокруг нас. Видящие нас должны видеть, что в нас есть нечто, превосходящее обыденность, — есть динамика нового, есть смысл, не находимый в повседневности.

Чтобы говорить о воскресении, надо прислушаться к тем, кто в воскресение не верит. Чтобы говорить о Боге, надо послушать тех, кто не признает никакого Бога. Фридрих Ницше, человек, который старался не верить ни во что, сказал одну поразительную вещь: «Я смогу поверить только в танцующего Бога». Вглядимся в икону Воскресения Христова. Увидим Спасителя нашего, стоящего над бездной — над бездной небытия, над бездной разрушения, над бездной правил и законов, поработавших человека. Танцующего под пение пасхального гимна: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

Аминь.

ВОЗМОЖНО ЛИ ЦЕЛОСТНО УВИДЕТЬ ИСТОРИЮ ЦЕРКВИ В XX ВЕКЕ

Кустарные иконы и крестики, рукописный Новый Завет, крашенные синькой пасхальные яйца перекочевали из чуланов бывших «подпольщиков» в музейные витрины. Выставка «Неперемолотые» — о духовном сопротивлении в годы советской власти — открылась в областном художественном музее Воронежа.

Трагедия верующих обступает посетителя постепенно: биографии репрессированных епископов, желчное ленинское распоряжение об изъятии церковных ценностей, дальше какие-то старые метрические книги... Стоп. Среди рядовых записей об умерших — «священник такой-то убит большевистской властью». Надо было иметь мужество, чтобы внести в официальный документ это, по сути, прямое обвинение. По данным спецкомиссии Московской патриархии, только в 1918-1919 годах «за защиту Церкви и веры» в России репрессировали 11 тысяч священнослужителей и мирян. Девять тысяч из них было убито.

За стеклом — тусклые нателные кресты, некогда приложенные к следственным делам в качестве вещдоков или заброшенные землей в расстрельных ямах вместе со своими владельцами. Коротенькая тряпица, похожая на манишку или обрывок вышитой косоворотки, — на деле епитрахиль, которую можно было прятать под лацгерной робой. Черный хлеб вместо профсор, клюквенный сок — вместо вина для евхаристии. За колючей проволокой священники служили литургию, сооружая фелони из простыней и чаши из жестянок. В роли антиминса (плата с вышитыми мощами святых и подписью правящего архиерея) при совершении таинства порой выступала грудь одного из заключенных-епископов.

А на воле тем временем собирались для молитв по домам и баням. Самодельные свечи, тетрадки с текстами из богослужебных книг, тайно отпечатанные Евангелия размером с комсомольский билет.

Гонения на Церковь, вопреки расхожему представлению, продолжались и при Хрущеве. Причем если в первые десятилетия советской власти лю-

дям удавалось сохранить книги и иконы (некоторые были позже найдены замурованными в стены), то в 1950-е очень многое пришлось сжечь. Тем более что многие образа не подлежали реставрации — с выколотыми глазами, ободранные, изрубленные, побывавшие в отхожих местах. А сегодня еще и умирают те, кто помнит подпольное существование Православной церкви. XX век уходит, как Атлантида под воду.

Большинство предметов на выставке связано с жизнью христиан на Урале. «Проект задумывался как локальный — меня попросили подобрать исторический материал в связи с введением в школах «Основ православной культуры», — говорит организатор выставки Оксана Иванова. — Самое ценное — облачения и утварь — давно разобрано по музейным коллекциям. Но увидеть где-то целостную историю нашей церкви в XX веке сегодня невозможно. И мы подумали, что можно сделать акцент на выживании православных во время гонений. После первой выставки неожиданно посыпались приглашения... Ведь жестокое притеснение христиан шло повсеместно. Мы побывали уже в 14 городах России — от Санкт-Петербурга до Томска. Сейчас основной массив экспонатов привезли в Воронеж, остальное поделено между Архангельском (где горожане попросили продлить выставку) и Тулой (где уральский материал скомбинировали с местными находками). Осенью «Неперемолотые» отправятся в Хабаровск. Каждый раз добавляются новые вещи — их дарят поисковики и просто жители. Обычно за подлинными артефактами надо охотиться годами, а тут они к нам сами притягиваются!»

Один из таких подарков чуть было не поставил под угрозу срыва нынешнюю выставку. «В пару» к иконе, расстрелянной в 1918 году, организаторам отдала три патрона той же поры. В аэропорту Домодедово это расценили как незаконное хранение и перевозку боеприпасов. Авторы проекта едва не «повязали» прямо перед вылетом. Те молились и умоляли. В итоге полицейские... задержали рейс, чтобы

взять с правонарушителей расписки и отпустить с миром.

В Воронеже экспозицию дополнили стендами о местных новомучениках, самодельными иконами — в том числе уникальными, из лоскутов ткани, сшитыми в 1970-е годы Марией Дмитриевной Гончаренко из села Красного Новохоперского района. Рядом фото Марии Поповой, которая не раз от руки переписывала Евангелия и акафисты. В Воронежской и Борисоглебской епархии надеются, что выставка привлечет за собой серию лекций и встреч, посвященных памяти новомучеников.

Вот что сказал Андрей Изакар, председатель комиссии по канонизации святых Воронежской и Борисоглебской епархии: «С нашей областью связаны имена многих новомучеников. Священномученик Петр (Зверев), местоблюститель патриаршего престола Петр (Полянский). Много и не прославленных пока исповедников — скажем, блаженная Феоктиста Михайловна или протоиерей Митрофан Бунчев. Девушки из благотворительной общины отца Митрофана занимали очередь для тех, кто хотел попасть в тюрьму с передачей (стоять надо было всю ночь). Или раздавали на вокзале вещи людям, отправленным в Сибирь, — причем не только православным. Это стоит помнить. Но сегодня мы имеем дело с тотальным незнанием истории своей страны. И если факты можно подчитать по книгам, то как изжить страшное бесчувствие к человеку? Мы часто склонны списывать это на кризис в обществе. Как известно, одно из значений греческого слова «кризис» — «суд». Наш общественный кризис упирается в кризис личности человека, созданного по образу и подобию Божию. Открытых гонений на христиан в России нет, но девальвировано значение жизни, самобытности личности. А ведь у Бога все создано драгоценными. От оскудевания любви друг к другу и происходит агрессия, умножаются беззакония. Что делать? Больше отдавать другому, больше жертвовать собой, чтобы сделаться человеком.

По материалам статьи Татьяны Ткачевой («Российская газета»)

ЗЕРНО, УМЕРЕВ, ВОЗРОЖДАЕТСЯ К НОВОЙ ЖИЗНИ

Последние выходные апреля выдались по-летнему жаркими. И, конечно же, большинство наших соотечественников потянулись в свои загородные хозяйства, чтобы отдохнуть на природе и заняться посадками. Это всегда волнительный момент для любого садовода: качественные ли попались семена, достаточно ли удобрена и прогрета почва? Но даже если выполнены все агротехнические рекомендации, все равно остается небольшая тревога: что-то еще уродится? Ведь появление из зерна новой жизни — это всегда тайна, даже если речь идет об обыкновенных огурцах.

И эта тайна волновала в прошедшее воскресенье 29 апреля не только садоводов-любителей, но гостей и организаторов Пасхального праздника, прошедшего в Культурно-просветительском центре «Преображение». Преображенское содружество малых православных братств уже несколько лет проводит для детей Истринского района рождественские праздники, а вот Пасхальный — было решено провести впервые. Восстановление подлинных смыслов Пасхального праздника — задача непростая. Как передать маленькому ребенку радость Воскресения Христова, не перегружая его богословскими рассуждениями?

Организаторы праздника попробовали сделать это, используя образ зерна. Ведущая праздника Ольга Сеницына пригласила маленьких гостей совершить «путешествие с семечком». После сказки о «Петушке и бобовом зернышке» завязался разговор о том, что такое зернышко, каким оно бывает и что происходит, если посадить зерно в землю.

Помощники ведущей рассказали детям о том, что Господь Иисус Хрис-

тос Своим ученикам тоже говорил о зернышках и семенах. О том, что, если семя не умрет, оно не принесет плода и что из маленького-маленького семечка может вырасти большое красивое дерево, в ветвях которого будут укрыться птицы небесные. Христос очень любил людей и отдал Свою жизнь ради них, а на третий день воскрес. Радуюсь этому, мы поздравляем друг друга и говорим: Христос воскрес!

Каждый ребенок посадил зернышко или семя в специально подготовленный горшочек.

Пока малыши увлеченно входили в роль волшебников, участвующих в зарождении новой жизни, их родители были приглашены на встречу с художником-графиком Марией Патрушевой, посвященную традициям российской книжной иллюстрации и выбору детских книг. В начале встречи Ольга Сеницына рассказала о том, что в Преображенском братстве существует Детско-юношеский центр. Центр собирает положительный опыт христианского воспитания детей, в котором книга занимает одно из главных мест. Но дети входят в мир книги не как читатели, а как зрители. В этом возрасте дети обладают особой впечатлительностью и замечательным качеством подражать. Поэтому так важно то, как оформлены детские книги. Мария Патрушева рассказала об истории иллюстрации в целом, показав собравшимся первый букварь Кариона Истомина с гравюрами, изданный в России в 1694 году и ставший первой иллюстрированной книгой в нашей стране. Гости посмотрели и лучшие образцы дореволюционной иллюстрации, вспомнили чудесные работы русских и советских художников И.Я. Билибина, В.В. Лебедева, В.А. Фаворского,

Е.И. Чарушина и других. Мария Борисовна отметила, что главные качества детского художника-иллюстратора — это доброта и ответственность за свое дело. В конце встречи все желающие смогли приобрести книгу «Светлячки» чешского священника Яна Карафата с чудесными иллюстрациями и автографом автора иллюстраций.

Маленьким гостям и их родителям был показан музыкальный спектакль «Светлячки», поставленный силами детей и взрослых Преображенского братства (режиссер Елена Бахадова), в котором артисты стремились передать основную мысль книги: смысл и радость жизни — в исполнении таинственного Божественного замысла (светлячки должны каждую ночь светить людям) и уповании на Его благую волю.

После этого гостей ждала пасхальная трапеза с крашеными яйцами и куличами.

Покидая Культурно-просветительский центр, гости делились своими впечатлениями, обращая особое внимание на спокойную, светлую атмосферу и отличную организацию праздника. Приятно удивили добрые лица, открытость и искренность ведущих и артистов. Говорилось о необходимости существования наряду с официальными церковными организациями подобных культурно-просветительских центров, где можно приобщиться к христианским ценностям.

На память о празднике каждый ребенок увез домой горшочек с посаженным им зернышком. Теперь время ждать плодов, ведь прорастание зерна — это всегда тайна...

Ольга Рябичева
Информационная служба
Преображенского братства

Non licet vos esse: вам не дозволено быть

25 апреля в доме Культурно-просветительского центра «Преображение» в Подмоскowie открылась выставка «Non licet vos esse. Не должно вам быть», посвященная 90-летию кампании по изъятию церковных ценностей. Это новый проект в серии выставок, посвященных истории России в XX веке, которые, по замыслу организаторов, призваны пролить свет на малоизвестные события из жизни церкви в советское время. Первым проектом была выставка «Неперемолотые», с успехом экспонировавшаяся в четырнадцати крупнейших городах России.

Организаторами выставки стали Преображенское содружество малых православных братств, Свято-Филаретовский православно-христианский институт, Культурно-просветительский фонд «Преображение» и Литературно-краеведческий музей имени Константина Бальмонта (г. Шуя).

«Non licet vos esse» — таким приговором римские императоры лишали первых христиан права на существование. Этим же принципом руководствовалась большевистская власть в своих гонениях на Церковь, последовательно нараставших начиная с 1917 года. Первые годы существования советской власти — это особый период, правда о котором скрывалась и извращалась исходя из идеологических и корыстных интересов этой власти.

В своем вступительном слове на церемонии открытия Дмитрий Гасак, председатель Преображенского братства, упомянув об успешном проведении первой выставки «Неперемолотые», рассказал, что, по мнению многих посетителей выставки — и священников, и мирян, — в форме выставок об истории России и церкви еще либо не говорилось, либо сказано недостаточно. Дмитрий Гасак выразил надежду на то, что новый проект, продолжая разговор о малоизвестных страницах истории, поможет найти ответы на те вопросы, которые ставит перед нами российская современность.

Духовный попечитель Преображенского братства свящ. Георгий Кочетков подчеркнул в своем приветственном слове, что с Пасхальным торжеством для нас связываются и понятие воспоминания — анамнесиса, и понятие сопротивления — резистентности; ведь «само Христово Воскресение мы понимаем как проявление сопротивляемости на самом высшем Божественном и человеческом уровне по отношению к смерти, ко всякому злу, ко всякой несправедливости, безличности, пустоте, ко всему тому, чему человек естественным образом сопротивляется всегда... И то, что мы сейчас с вами делаем — открываем выставку, связанную с 90-летием шуйских событий, это такое же явление резистентности. Часто слишком утомленные или перемолотые советским временем люди говорят: «Ну что у нас за народ, он не может сопротивляться — тогда это не народ. Если страна не сопротивляется, это не страна». И в этом есть доля истины, хотя только доля, — действительно, советское время прежде всего уничтожало людей в ду-

Фото Александра Волкова

ховном смысле. Поэтому наше воспоминание и наше анамнестическое действие сегодня, связанное с этой выставкой, должно показать, что народ сопротивлялся, и пока он мог называться русским народом, он это сопротивление оказывал постоянно, только мы слишком мало об этом знаем и слишком плохо это помним».

Как отметил о. Георгий, выставка призвана нам напомнить, что значит сопротивление злу, сопротивление смерти: «Люди защищали не просто историческое наследие, не просто историческую культуру и память, хотя это само по себе очень и очень важно. Люди защищали свое человеческое достоинство, они защищали возможность своей веры, своей жизни». Особенно актуально это сейчас, когда «общество снова задумывается о том, как вернуться к достойной жизни, к жизни в духе любви и свободы, к жизни, достойной каждого человека во всех ее проявлениях, начиная от тончайших духовных вещей, заканчивая экономическими и политическими реалиями... Люди действительно хотят увидеть живые примеры подвига, пасионарности, о которой многие уже совсем забыли».

Окончание на с. 6—7

Группа паломников СФИ посетила Томск

В рамках паломнической поездки по городам Сибири группа паломников Свято-Филаретовского института и Преображенского братства посетила Томск. По благословению архиепископа Томского и Асиновского Ростислава 27 апреля в Томской православной духовной семинарии паломников во главе с деканом богословского факультета СФИ З.М. Дашевской принимали секретарь Томской епархии иерей Виктор Сиротин и проректор семинарии прот. Евгений Морозов.

В ходе беседы, продолжавшейся более часа, обсуждались вопросы непростых взаимоотношений церкви и общества, миссии среди молодежи, подготовки катехизаторов. Дискуссию вызвал вопрос об особенностях современного духовного образования, в том числе участие духовных школ в Болонском процессе. Участники беседы поделились опытом в области сотрудничества со светскими учебными заведениями. Для гостей была организована экскурсия

по церковно-археологическому кабинету, открытому в семинарии стараниями владыки ректора, в ходе которой паломники осмотрели собрание икон, облачений, церковной утвари и богослужебных книг.

На следующий день, 28 апреля, состоялась встреча паломников и студентов семинарии. Гости представили институт, рассказали о его истории и сегодняшнем дне, познакомили с изданиями СФИ, обсудили вопросы духовного образования и миссии в среде молодежи и подростков. Актуальным оказался вопрос участия студентов в каритативной деятельности, в том числе в осуществлении богослужебного перевода для глухих и слабослышащих прихожан кафедрального собора.

В ходе беседы также были затронуты вопросы катехизации взрослых и молодежи, ее длительности и содержания, а также вопросы подготовки катехизаторов и качества духовного образования.

Источник: сайт Свято-Филаретовского института

«Библионочь» с членами общины архимандрита Сергия (Савельева)

20 апреля в Архангельской областной библиотеке имени Н.А. Добролюбова состоялась вечер памяти архимандрита Сергия (Савельева). Встреча проходила в рамках всероссийской акции «Библионочь», когда практически во всех российских городах сотни библиотек, музеев, галерей, культурных центров и книжных магазинов ночью открыли свои двери для посетителей и представили на своих площадках различные культурные программы.

Организаторы встречи — члены Преображенского братства из прихода храма Сретения Господня села Заостровья — уже много лет знакомы с членами православной общины, которая зародилась в середине 1920-х годов в Москве. Тогда это были молодые люди: старшему из них — будущему архимандриту Сергию — не исполнилось и двадцати пяти лет.

В 1929 году общинники были арестованы, заключены в лагеря, сосланы в отдаленные ссылки, неко-

торые — на Север: в Архангельск, Матигоры, на Пинегу. Но, рассеянные по всей стране, они сохранили свою духовную семью — переписывались, отправляли посылки, устраивали свидания, поддерживали друг друга, помогая нести жизненный крест.

Историей знакомства с книгой архимандрита Сергия «Далекий путь», а затем и с членами его духовной семьи поделился священник Иоанн Привалов. О своем опыте прочтения книги «Далекий путь» рассказали члены общины Сретенского храма села Заостровья. Многие из них увидели в этой книге, составленной из многолетней переписки общинников, живой пример верности христианскому пути, верности друг другу, согласно евангельской заповеди: «Друг друга тяготы носите, и так исполните закон Христов» (Гал 6:2).

Информационная служба Преображенского братства

«Патриарху подчас почти не на кого опереться»

Из интервью с проректором Свято-Филаретовского православного института Дмитрием Гасаком

— Согласны ли Вы с патриархом, что у церкви есть враги, готовые начать новые гонения?

— Враги у церкви есть и будут. Но я бы не сказал, что сейчас церковь находится на пороге новых гонений, по крайней мере, сопоставимых с тем, что творилось в России в XX веке. Хотя по сравнению с прошлыми двумя десятилетиями отношение общества к церкви, как мне кажется, претерпело ощутимый откат. С одной стороны, это следствие общемировых и общеполитических, и общекультурных процессов, с другой — причины можно найти в самой православной церкви. Так, от многих людей приходится слышать упреки в том, что, придя в православную церковь, они не ощутили никакого встречного движения со стороны духовенства, не встретили обращенности к человеку. Поэтому не случайно, что патриарх Кирилл с самых первых дней своего патриаршества стал проводить политику, направленную на большую открытость церкви, на изменение отношения церкви к обществу, к людям.

— В чем заключается эта политика?

— Прежде всего в особом акценте на социальной работе и работе с молодежью, а также на возрождении миссионерской работы, катехизации и просвещения, то есть на раскрытии основ христианской веры тем, кто приходит в церковь. Ведь это направление было в советские годы не просто забыто, оно было запрещено — священникам не разрешали общаться с людьми на темы веры, запрещалось проповедовать. Во-вторых, в попытке возродить соборные процессы внутри церкви, в беспрецедентной административной реформе. Кроме того, именно патриарх Кирилл еще до своего патриаршества постарался декларировать право Русской церкви на собственную политику. Так, в «Основах социальной концепции Русской православной церкви», одним из основных авторов которых он является, есть специальный пункт о том, что «если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении». Разумеется, у власти этот пункт и сегодня может вызывать раздражение.

— Близкие к патриарху люди говорят, что нынешние скандалы были спровоцированы его тайными врагами внутри самой церкви. Действительно ли патриарх Кирилл оказался в кольце недоброжелателей?

— Ни один патриарх, даже вместе с Архиерейским собором, не может сразу изменить жизнь церкви. Для этого необходимы глубинные сдвиги — на личном уровне, на уровне приходском, монастырском и т.д. Поэтому так трудно и проходит этот разворот в сторону человека. К тому же церковь в советские годы привыкла к очень закрытой непубличной жизни. Не случайно вы и сейчас не увидите в прессе, на телевидении многих очень влиятельных в церковных делах чиновников и деятелей. В большой степени именно эти люди в свое время — в середине 1990-х годов — инициировали резкий идейный разворот церкви в сторону фундаментализма. Разумеется, патриарх сталкивается с такой оппозицией. К примеру, два года назад в Москве были учреждены викариатства, то есть патриарх попытался создать институт викарных епископов, которые, будучи помощниками патриарха, правящего епископа города Москвы, управляли бы церковной жизнью в той или иной части города. Пока не видно, чтобы это удалось. Полагаю, что есть сильное противостояние этой патриаршей инициативе и прежде всего со стороны священников из команды прежнего патриарха. Подобные проблемы есть и в других епархиях. Похоже, что патриарху подчас почти не на кого опереться: в церкви, как и в обществе, большой дефицит квалифицированных, ответственных людей. Тот же вопрос о катехизации или, скажем, о языке богослужения вызвал бурю споров, потому что определенной части духовенства этого не надо: приходская машина крутится, и ладно. Поэтому можно сказать, что у нас в церкви есть кризисные явления. Правда, это вопрос не только сугубо церковный. Очевидно, что большое значение здесь имеет вмешательство государства. И явление церковного фундаментализма прямым образом связано с наследием той политики, которую государство проводило в советские годы, например, через своих уполномоченных и соответствующие органы. Отец Виталий Боровой, в 1970-е годы настоятель патриаршего Богоявленского собора, говорил как-то, что церковь, как Тело Христово, не устраивает ни одно государство в мире, потому что государство претендует на человека целиком. Коммунистическое государство не терпело рядом с собой Бога, оно само стремилось стать богом. И сейчас можно встретить нечто подобное.

— Патриарха упрекают в том, что он вовлек церковь в политические игры. Мог ли он отстоять право церкви остаться вне политики?

— В России глава церкви всегда был крупной политической фигурой. Думаю, что и сейчас у патриарха нет возможности остаться «вне политики», для него это — без вариантов. Но сегодня история дает церкви возможность приобрести гораздо больший вес в обществе. Вы сами видите, как люди реагируют на просветительские инициативы, люди соскучились по живому слову в церкви, их волнует дальнейшая ее судьба. Другой вопрос, сумеем ли мы достойно распорядиться этим шансом. Но это, к счастью или к сожалению, зависит не только от патриарха.

Беседовал Владимир Тихомиров

Источник: Журнал «Огонёк», №17 (5226), 29 апреля 2012 г.

18 марта группа «Церковно-общественные инициативы» Преображенского братства организовала встречу с известным кинорежиссером Андреем Звягинцевым в актовом зале Свято-Филаретовского православно-христианского института. Напомним, что каждая из картин режиссера становилась событием. Свой первый полнометражный фильм «Возвращение» Звягинцев снял в 2003 году. Картина попала в

основной конкурс Венецианского фестиваля, где дебютный не только для режиссера, но и для большинства съемочной группы фильм завоевал главный приз — «Золотого Льва». Он также получил приз «Золотой Лев Будущего» за лучший режиссерский дебют — с формулировкой «очень тонкий фильм о любви, утрате и взрослении». Следующая его картина, «Изгнание», получила награду «за лучшую мужскую роль» (актер Константин Лавро-

ненко) на Каннском международном кинофестивале 2007 года.

Члены Преображенского братства, студенты и преподаватели СФИ, прихожане разных православных храмов Москвы обсуждали с режиссером его последний фильм «Елена», получивший в 2011 году Специальный приз жюри в программе «Особый взгляд» на кинофестивале в Каннах.

ОБ АПОКАЛИПСИСЕ И НОВЫХ ПУТЯХ НАДЕЖДЫ

Встреча с режиссером Андреем Звягинцевым

Андрей Звягинцев и ведущая встречи Юлия Балакишина

Юлия Балакишина: Наше братство в последнее время очень напряженно размышляет о том, что происходит с человеком. «Что есть человек, что Ты помнишь его» — сказано в одном из псалмов. Человек — существо, которое видится Богом и являет Его Образ. В то же время то, что мы видим вокруг себя, очень часто настораживает и пугает. И Ваш фильм мы увидели в контексте этих размышлений. Он был каким-то неожиданно прозвучавшим словом, которое действительно вызвало внутренний резонанс с тем, о чем думали мы сами. Что мы можем сделать для того, чтобы внутреннее пространство человека не «захлопывалось», чтобы Богу все-таки было кого помнить и что в человеке помнить?

Мы полагаем, что эта встреча будет построена как разговор — именно как диалог, а не как пресс-конференция.

Олег Бим: Я посмотрел сейчас фильм в первый раз. Есть такое детское желание — сразу определить, кто из героев тебе близок, понять, с кем хочется солидаризироваться или хотя бы кто вызывает какую-то симпатию. В первый момент, после того как фильм закончился, я понял, что в этом фильме таких людей нет. Сейчас впечатление немного «отстоялось», и чувство симпатии рождается по отношению к Екатерине. Мне показалось, что она была из всех персонажей наиболее искренней. А Вам кто из героев ближе? Или — интереснее?

Андрей Звягинцев: Ближе — все. Потому что мы с вами — они и есть. Экран предоставляет возможность понаблюдать за человеком со стороны не в тот момент, когда он себя презентует с самой лучшей, выгодной стороны, а как бы побыть с ним рядом, когда он не думает, что за ним наблюдают. Поэтому когда заходит речь о том, где тут положительные герои, я привычно говорю, что не знаю, кто может себе позволить это разделение на плохих и хороших. Это просто люди. Это человек. Такова его природа.

И если нам будет предоставлена возможность наблюдать за человеком «у него дома», то может случиться, что такой портрет мы и найдем. Конечно, не в каждой квартире, не сплошь и рядом, не стоит обобщать, поскольку любое обобщение, как и аналогия, как известно, «хромает». Но мне кажется (возможно, это будет звучать слишком амбициозно), что во многом нам удалось создать «объективный» портрет если не всего общества в целом, то некоего его среза.

Александра Колымагина: Меня удивило одно совпадение, немного выходящее за рамки фильма. Совпадение с темой и содержанием предыдущей встречи такого плана, которая проходила здесь же у нас с участием Ольги Александровны Седаковой, где мы говорили о русской катастрофе XX века и ее последствиях. Там шла речь о том, что один из характерных признаков постсоветского человека — это цинизм и фатализм, которые выражаются в том числе и в том, что то, что в принципе делать нельзя, в каких-то обстоятельствах как бы и можно: «ради Родины — можно, ради семьи — можно» и т.д. Удивительным образом это перекликается с фильмом. Тем не менее, в той, предыдущей, встрече звучала какая-то надежда. Надежда на то, что удастся сделать изнутри вот этой безнадежности нашей общей ситуации то «усилье воскресенья», без которого ничто не представимо. Мне кажется, что в Ваших предыдущих фильмах надежды этой гораздо больше. В этом ее почти что нет (может быть, я ошибаюсь). С чем это связано? И в «Возвращении», и в «Изгнании» есть свет, какое-то ожидание того, что что-то произойдет с героями. А здесь внутренняя ситуация по ощущению гораздо более тупиковая...

Андрей Звягинцев: То есть Вы ставите вопрос даже не о том, что там, на экране, а о том, что лично со мной происходит?

Возможно, внутри меня живет какое-то такое трагическое ощущение. И с этим трудно бороться,

потому что оно — чувство самостоятельное, не контролируемое, а наблюдаемое и по желанию не отменяемое. Если я создам какую-то другую интонацию в финале картины — я обману людей, обману самого себя вместе с этим, живущим во мне ощущением. Если не верю в другой исход этой истории, то зачем же я буду лукавить, зачем же я буду создавать какие-то модели, предлагающие благополучный финал: возмездие, наказание, раскаяние? Это, видимо, исходит не только от меня самого, но от нас, коллектива соавторов, во всяком случае, от Олега Негина, автора сценария, и меня. Несколько иным, например, было отношение к фильму у художника картины. Он как-то по-другому смотрел на «Елену», сложнее; он с трудом входил в нее — не потому, что там нет надежды, просто по каким-то другим своим соображениям. Но я думаю, что продиктованы они, наверное, этим — таким мрачным состоянием дум обо всем, что с нами происходит.

Александра Колымагина: Это ведь связано не только с теми, кто фильм снимал. Произведение искусства несет некоторую пророческую функцию, тем более в рамках нашей культуры. Человек говорит обо всем обществе, о нас самих что-то важное. В этом смысле для нас это тревожный звонок. Я хотела сказать, что мы тоже последнее время думали о том, что семейные отношения могут стать сферой именно некоего идолопоклонства. И становятся. К сожалению, это часто не чувствуют даже люди, принадлежащие к церкви. Я помню, как на одном из фестивалей православной прессы меня поразил доклад, в котором приводились результаты опроса верующих и неверующих людей о системе ценностей. Ответы отличались, но первые позиции оставались одинаковыми: семья, работа и т.д. И это было очень грустно, на самом деле. Но немногие это поняли.

Юлия Балакишина: Когда Елена приходит в храм и идет ставить свечку перед иконой, она подходит не к образу Николая Чудотворца, к которому ее послала свещница, а к иконе Введения Богородицы во Храм — к образу, который очень сильно противостоит именно идее этого семейного идолослужения. Это неслучайный ход?

Андрей Звягинцев: Я вас, может быть, разочарую или даже удивлю, но буквально было так. Войти в действующий храм (церковь Зосимы и Савватия) и перевешивать там иконы мы не могли, это же не декорации. По визуальному решению мы должны были следовать за Еленой через длинный, узкий проход, затем она уходит вправо и подходит к иконе. Мы должны были увидеть ее со спины, потому что последующий план — это ее крупный портрет, где за ее спиной мы видим всякие «адские» картины. Вы, наверное, разглядели, там что-то такое невероятное, «сам», что называется восседает на своем троне, при-

чем фреска эта не закончена. Может быть, не все в фильме разглядели, что там за ее спиной, но нам это было важно. Мы даже этот ее крупный план снимали в другой стороне стены, чтобы фоном было именно это изображение: за ее левым плечом красный дьявол сидит с младенцем на коленях.

Так вот, Елена подошла к иконе «Введение Богородицы во Храм» просто потому, что там висела именно она. Я далек от мысли, что на общем плане кто-то бы углядел, что, дескать, она подошла к одной, а потом стоит у другой, поэтому мы могли бы, разумеется, снять ее отражение в стекле той иконы, к которой ее и отправила свещница. Но я понимал этот эпизод для себя так: она услышала, куда нужно подойти, но подошла к первой иконе, какая ей показалась, и потом мы просто выходим из этого эпизода. Я думаю, далее она сделает все шаги, которые ей предложили сделать. Просто здесь она тоже решила на минуту остановиться и исполнить ритуал. Но главное, чем я думаю вас удивить, состоит в следующем. Когда мы уже знали, что будем снимать именно здесь и именно так (а это за несколько недель до съемок), я спросил, что это за икона. Отец Александр, который служит в церкви Зосимы и Савватия, рассказал мне о ней. Это очень древняя икона (там, кстати, много древностей). Но когда он мне сказал, что это за сюжет, я подумал, что это невероятно сильное совпадение. Актриса Надежда Маркина — верующий, мне даже кажется, воцерковленный человек. И когда мы уже на съемках говорили с ней об этом эпизоде (что именно она должна сделать и как, обычный разговор режиссера с актрисой), я зачем-то сказал ей о своем сильном впечатлении от этого удивительного совпадения: вот одна Мать, будущая, — и вот другая. Я даже, помню, не закончил мысль, она просто обрушилась на скамью. Она весь этот объем поняла — одной и другой жертвы. И это совпадение для меня «работает» именно так.

Юлия Балакишина: Для многих из нас это была некая «точка выхода» в фильме.

Татьяна Авилова: В интервью под названием «Зеркало», которое Вы дали Ксении Голубович, есть замечательная мысль, что Елена — это не частный, не один человек. Это действительно состояние, может быть, не всего нашего

общества, но какой-то его части. Вы говорили, что пытались максимально отследить камерой жизнь и показать ее такой, какая она есть. Для того чтобы камера снимала так, у автора белое должно быть белым, черное — черным. Система координат самого человека очень важна. Скажем, Ларс фон Триер в аналогичных ситуациях зло и грех просто романтизирует, а иногда даже оправдывает. И это — вещь совершенно невозможная. Ваша же система координат все расставляет на свои места: черное есть черное, зло есть зло, все называется своими именами. В связи с фильмом вспоминается картина «Христос в пустыне» Крамского, которого многие современники осуждали за то, что это якобы не истинный Христос. А он пишет о том, что хотел запечатлеть драматическую ситуацию нравственного выбора человека своего времени, тот неизбежный момент в жизни каждого, когда приходится решать — «пойти ли направо или налево, взять ли за Господа Бога рубль или не уступать ни шагу злу». И «Елена» — это тоже как нравственный выбор, стоящий перед человеком сегодня: жить по животным инстинктам или совершать поступок, который всегда «шаг по вертикали», как его определяет О.А. Седакова.

Я задаюсь вопросом: есть ли у Вашей Елены возможность не уступить злу? Или ее просто «сносит» в чисто животное состояние, когда вот он, твой детеныш, и ты почему-то думаешь, что ему грозит опасность (хотя, может быть, никакая опасность ему и не грозит), — и всё, уже ни разума, ничего не остается. В этом смысле картина, конечно, страшная.

Андрей Звягинцев: Есть ли у Елены почва для такой возможности? Что есть ее выбор? Разумеется, первое, что необходимо сказать: у любого человека всегда есть такая почва, и ее имя — свободный выбор. На что бы ни ссылался впоследствии человек, всегда он исходит из данной ему изначально и даром абсолютной свободы. Тут он и принимает свои решения. И ответственен за них только сам. Мне кажется, об этом как раз и весь фильм. Наша Елена попросту ввергнута в инстинкт. Как говорит Гурджиев: человек, не пришедший к осознанию себя самого, похож на автомат. А человек-автомат действует, исходя из простых, эгоистических мотивов стяжания себе любимому бла-

Кадр из фильма «Елена»

гополучия — и все, он попросту не может идти дальше, туда, где и необходим «шаг по вертикали». Елена действует спонтанно и реагирует «по крови». Она как наседка, как птица, которая уводит от гнезда. Она уже не считается ни с чем, ни с какими доводами нравственного выбора. У нее выключен аппарат, который бы позволил ей всерьез помыслить о том, что происходит. К тому же у нее практически нет времени, поскольку завтра утром придет адвокат, и тогда все решится не в ее пользу. И она действует импульсивно, спонтанно, спасая саму себя. Потому что ее дети, ее продолжение — это она сама и есть. Тут все заняты собой. И Владимир в той же ситуации находится. Хотя здесь как раз трудность того вопроса, о котором Вы говорили. Вам кажется, что в фильме все акценты расставлены, понятно, кто и что сделал. Зло есть зло, Вы сказали, все названо своими именами. Но ведь не все так реагируют. Очень многие говорят: «А я бы так же поступила» или «Что же это он, Владимир-то этот? Чем он думает-то?». Мне кажется, что именно это и есть «состояние Елены» — слепота и абсолютное непонимание, дезориентация в пространстве. И что с этим делать, я не знаю.

Лариса Мусина: Я хотела вернуться к иконе «Введение во Храм Пресвятой Богородицы». Конечно, мы домысливаем за автором какие-то вещи, но мне показалось, что все герои фильма — это некие типажы, почти маски. За ними есть определенная символическая нагрузка и биографические сведения (скажем, Елена десять лет назад была медсестрой), но при этом они как бы «люди ниоткуда». Не так просто прочертить их биографию, они действуют сегодняшним моментом. Можно выстроить определенную совокупность их действий, просчитать, что они будут совершать, и они это действительно делают. И когда Елена приходит в храм, она делает это тоже просто потому, что «все так делают». Но когда она подходит к этой иконе... Мне показалось, что это некий момент, когда человек случайно, невольно, даже не касаясь сугубо религиозного содержания, вдруг оказывается рядом с неким смыслом, который дает возможность получить какую-то опору, «корень».

И когда она идет и ставит свечки, «как сказали», она проходит мимо этой возможности, к которой жизнь подводит ее очень близко. Она остается как бы такой «песчинкой мироздания». Уж кто там кого убьет при этом — как говорится, как получится.

У Вас такой вопрос был: песчинка или не песчинка человек? Есть ли в нашей жизни моменты, когда возможен, когда близок прорыв к тому, чтобы перестать быть песчинкой?

Андрей Звягинцев: Вы этим вопросом хотите меня реабилитировать? (Смех.) Бросаете мне, что называется, подсказку. Вот тут-то, дескать, я и предполагал выход из тупика... здесь и была надежда...

Эпизод в храме — это более поздняя редакция сценария. Этот эпизод появился, когда мы уже вошли в работу над русской версией фильма. В ней многое появилось — сцена с лошады, финал с дракой, заключительный эпизод со «входом на территорию Владимира». Отвечу на Ваш вопрос, рассказав свой ряд идей. Очевидно (я думаю, для этой аудитории в особенности), что человека определяют его поступки, а не его благие намерения, и в особенности не его слова. Мне кажется, намерения Елены совершенно искренние. Она просто действует как язычник. Она, как и самый примитивный обыватель, полагает, что придя в храм со свечкой, она «получит таблетку» и «выздорове-

ет», она это делает «на всякий случай». Я даже сожалею о том, что Елена у нас выглядит как совершеннейший неопит (надо быть совсем несведущей, чтобы не знать о том, что женщина не входит в храм с непокрытой головой, и т.д.). Я все-таки не хотел подчеркивать мысль, что она там впервые. Потому что на самом деле это ничего не меняет — впервые или в тысячный раз, если ты относишься к этому вот так. Лично для меня наличие в фильме эпизода в храме казалось важным именно в этом противопоставлении слов и действий, намерений и поступков.

Татьяна Авилова: Для меня, наверное, самым страшным был последний кадр: младенец на черном пространстве — не просто на кровати убиенного, это само собой, но вообще светлый маленький младенец на совершенно черном пространстве. Такой метафизический образ. Жутковато. Что у Вас за этим образом?

Андрей Звягинцев: Да, страшно-вато становится. Многие говорят о том, что он именно так «работает». И все его называют последним, потому что он запоминается как последний, хотя за ним ведь следует еще один кадр, действительно последний. Вороны тоже всем мерещатся в последнем кадре, хотя их там вовсе нет. Вороны есть только в начале. Что для меня этот образ? Так скажу, для того и создаются образы, чтобы у каждого смотрящего создавалась своя картина увиденного. Образ невыразим, возможно, потому он так сильно и воздействует. Согласитесь, было бы очень банально и даже вульгарно, если бы я стал говорить вам о том, что образ этого младенца, скажем, символизирует будущее. Этот кадр, его ракурс, музыкальное сопровождение, само это состояние, которое он нам предлагает, гораздо глубже таких вот узких высказываний.

Хочу предложить, быть может, неожиданную мысль относительно выбора Елены. Очень часто человек оправдывает свои поступки тем, что все это «во имя детей». На самом деле, мне кажется (и это только предположение, догадка, не более), что таким образом человек покрывает истинную причину своего страха, страха за себя самого. Она выбирает здесь себя — и не только в своем продолжении, а свое личное благополучие. Как это ни звучит тут странно, этот контекст все равно здесь присутствует. Вот чем для меня был этот эпизод.

Татьяна Авилова: Если человек поглощен злом серьезно, то бывает, что наказание не наступает очень долго. Если же какая-то неправда совершена человеком, у которого живая совесть, живая душа, к нему оно приходит — и это большая милость. Потому что наказание — это всегда научение, наказ, это возможность посмотреть на себя и вообще начать какой-то новый путь в своей жизни, т.е. то, что называется покаянием. В финале «Елены» действительно все время этого ждешь и понимаешь, что наказания, наверное, и не будет.

Игорь Корпусов: Мне кажется, что наказание в фильме есть. Я сейчас попробую пояснить эту мысль. Та жизнь, которой всё заканчивается, — просмотр бесконечных сериалов по телевизору, орешки, дети Елены, которые ее не любят (это чувствуется, когда она приходит к ним в гости), — вот эта бесконечная «как бы жизнь», эта серятина, из которой невозможно никак никуда уйти, — это, может быть, страшнее любого наказания. Может быть, наказание действительно было бы в этом смысле милостью. Оно может вырвать человека из дурного сна, в котором он ничего не различает, ни о чем не думает, а просто как бы существует. Это уже пос-

Во время встречи

ле апокалипсиса, это уже какой-то ад. Ад, буквально, — место, лишенное света. В их жизни света никакого нет, это самая тяжелая доля.

Мне приходилось неоднократно проводить экскурсии, связанные с тяжелой историей России в XX веке. Самая большая проблема — объяснить людям реальность зла. Людям очень сложно поверить в его реальность. Когда говоришь о каких-то страшных случаях, люди от этого закрываются, уверяют себя, что люди не могли так поступать — если б то был монстр, то это было бы понятно. «Эта проблема меня не касается, потому что я не монстр». А если тот, кто мучил, был всё же человек, то надо отнести всё это к себе. Раз это возможно в нем, значит, это возможно и во мне. Принять это невыносимо тяжело! Сказать, что я бы мог этих несчастных людей и расстрелять... В этом смысле представить себе, что зло банально, люди почему-то не могут. Им кажется, что это должно быть что-то особое, типа блокбастера «2012»; конец света — это что-то феерическое, погибли все и т.д.

Андрей Звягинцев: Такое шоу на Первом.

Игорь Корпусов: Да, что-то яркое. А это — ад такой, серость...

Андрей Звягинцев: Банька с пауками... Свидригайловская... Нет света, но и не тьма, а еще хуже — серь такая, хмарь.

Анна Данилевич, худ. редактор издательства СФИ: Хочется сначала сказать спасибо за Ваши фильмы. Я смотрела Вашу работу, с одной стороны, как цельный человек, с другой стороны, иногда на первый план вылезал художник, иногда человек-христианин. И меня, конечно, поразило, насколько точно Вы всё показали. Когда человек начинает поворачиваться к Богу, начинает читать Священное писание, он обязательно узнает, что в жизни есть два пути: путь жизни и путь смерти. Они очень сильно отличаются друг от друга, но у человека всегда есть выбор, свобода выбрать либо одно, либо другое. Я хотела Вас поблагодарить за то, что в Вашем фильме очень хорошо показано, что вот на этот путь смерти человеку не надо специально становиться, он идет по нему, просто находясь в своем житейском пространстве. Если он не пытается подняться над собой, над своим бытом, над семьей, над обстоятельствами, то он идет этим самым путем смерти. Как художник я все время смотрела, как все это снято, и меня поразило образ младенца, его тут уже вспоминали. Есть иконография «Поклонение Младенцу», и мне сразу вспомнилась картина Боттичелли, где лежит прекрас-

ный Светлый Младенец. Он лежит лицом вверх. Смотришь на Него и понимаешь, что в Нем всё, что раскрылось потом в истории, — вся христианская жизнь, культура, всё через Него, весь Свет, который Он принес. И вот этот кадр Ваш, предпоследний, где младенец спинкой наверх, — и совершенно другое ощущение, кажется, что, действительно, возмездие уже произошло. Другое дело, что у этого маленького человека тоже есть своя свобода выбора. Но все эти люди уже вложили в него часть несвободы, выбрать смерть. Насколько Вы продумывали это?

Андрей Звягинцев: Мне очень нравится Ваша ассоциация. Я Вам признателен за нее. Не хочу сказать, что мы об этом специально думали и закладывали это как смысл. Я уже сказал, что мы едва дождались, когда он уснет, а уж как это будет: спинкой вверх или вниз — это дело случая. Сам по себе способ письма предполагает такую возможность, что в кинотексте помимо твоей воли могут проявиться некоторые смыслы. Фильм всегда больше твоего замысла, и так можно сказать об этом именно потому, что образ раскрывается в сознании смотрящего, а уж там на какую почву он попал, таким и стал. Если измыслить что-то, взять и прямо это изобразить, оно не будет «работать» так глубоко. Вот, например, тон, о котором вы говорите, эта «хмарь и серь», поток банальной жизни, которая и есть умирание. Придумав это в уме, напрямую воссоздавать этого нельзя, потому что будет искусственным решением — лишить каждый кадр солнечного света. Изъять солнце — пойти по формальному, ложному пути, потому что солнце все-таки светит одинаково всем персонажам. «Хмарь» ведь не снаружи, она внутри. Материя кино имеет дело с непосредственной жизнью, с непосредственным течением времени в кадре, с конкретной фактурой. Кино — это не живопись, хотя напрямую и достаточно тесно с ней связана. Это у живописи есть только один «кадр», и только в нем должно быть выражено все, что художнику необходимо сказать. Что касается плана с младенцем, думаю, Ваша ассоциация сложилась такой даже не благодаря решению самого кадра (ракурс и расположение его фигуры), а благодаря всему течению фильма. Воздействие фильма — это накопление, аккумуляция через множество культурные и житейские ассоциации и узнавания того напряжения смысла, которое зритель и ощущает в финале. Другой вопрос, что для кого-то Младенец Боттичелли просто ребенок, еще один экспонат в золоченой

раме, висящий в картинной галерее. Чтобы увидеть смыслы, о которых Вы сказали, нужно обладать зрением, которое прививает тебе культура, образование, чтение настоящей литературы. И вот тут уже: кому Божий дар, а кому и яичница.

Дмитрий Дорошко: Когда люди приходят в церковь и как-то пытаются воцерковиться, на катехизических беседах очень часто встает вопрос об идолах. Но когда говоришь о том, что семья тоже может быть идолом, люди внутренне этому сопротивляются. Они говорят: «Ну как же так? Посмотрите, как он любит своих детей, жену!» Теперь я знаю, что если человек не верит в то, что он эгоист, когда заботится только о своих детях, ему можно сказать: «Посмотри фильм «Елена»!»

Апостол Павел говорит: «Любящий свою жену любит самого себя». Это можно распространить на всех: папу, маму, детей и т.д. Это не значит, что плохо любить своих детей, это надо делать, но ты должен понимать, что это такое — любить себя. Надо всё называть своими именами.

Вы сказали, что фильм — это повод. Возникает вопрос, а удаётся ли быть этому поводом? У фильма есть цель — поставить вопрос, а когда человек выходит после просмотра и говорит: «А я поступил бы так же», то, на мой взгляд, фильм цели не достиг. И если Вы поставили вопросы, то дайте направление, хотя бы без этих декоративных надежд. Вы к этому стремитесь, ставите перед собой такую цель?

Андрей Звягинцев: Сложный вопрос. До конца для себя этот момент я пока решил так, что если идти в направлении ответа или даже указания направления, не минуешь того, что попадаешь на территорию морализаторства и оценки. Вернусь к тому, что только что сказал про яичницу и Божий дар. Если человек вышел из зала и говорит: «Я бы поступил так же», ничего с этим не поделаешь, ну, ничего. В программке же не напишешь — что такое хорошо и что такое плохо. Можно только посоветовать вернуться к детской книжке. Это как с семенем, которое упало в землю, но здесь оно почему-то проросло, а тут — нет. В каком-то конкретном случае фильм не достигает своей цели, и тут ничего не поделаешь. Платон утверждал, что в человеке живет вся память обо всем и что он не приобретает новое знание, а припоминает. Но если, скажем, «слой цемента» не позволяет прорасти или пробиться к смыслу того, о чем общается, то с этим ничего не поделаешь.

Об Апокалипсисе и новых путях надежды

Окончание. Начало на с. 4–5

Представьте себе что-нибудь такое невероятное, как если бы мы увидели во флешбэке* детство Елены, где она получила ту самую психическую травму «и потому совершила на излете своей жизни такое страшное преступление». Чем не объяснение? Конечно, все объявлено: вот предпосылки, а вот и результат. Только ведь это — такая фальсификация, такая подмена! Это обмануть всех, прежде всего себя самого, а затем и внимающих тебе. Зато все совершенно ясно. Мнимая ясность — это подлог.

Олег Глаголев: Хотел бы тоже поблагодарить Вас за фильм. Мой вопрос, если коротко, наивно его построить: как дела у Елены Анатольевны? Что сейчас? Я хотел спросить, есть ли резон, какое-то мужество, чтобы с человеком дальше идти, посмотреть, чем человек будет жить дальше. Потому что есть надежда, что пока человек жив, эта точка невозврата, может быть, не существует. Считаете ли Вы нужным и возможным смотреть на развитие этого сюжета? Я имею в виду не «Елену-2», конечно. Я говорю о человеке, который за черту заступил, который согласился в потемки шагнуть.

Андрей Звягинцев: Я же говорил, Елены не существует. Фильм закончился — и ее нет. Она просто произвела некое впечатление, как я уже говорил, заронила какие-то семена мыслей зрителя о самих себе. Мне кажется, в этом все дело. Повторю, фильм, как и его герои, — это лишь возможный повод для человека к мысли о самом себе. Сейчас вряд ли стоит развеивать ваши сомнения, или, наоборот, укреплять их, или говорить о том, что, как я думаю, будет дальше происходить с нашей героиней... У меня, конечно, есть собственное видение этой ситуации и мне даже кажется, оно в фильме проглядывает. Мы уже говорили сегодня по поводу эпизода, когда гаснет свет. Это вполне заурядное событие, кто-то бы подумал, что просто выбило пробки, но для Елены это отчего-то стало крупным событием. Она видит эти знаки. И мне кажется, что и для зрителя эти знаки могли бы служить сигналами к тому, какая Елену ждет перспектива. И тут уже каждый сам для себя решает, что именно будет с ней происходить. Моя подсказка, мое мнение тут ничего не решат. Повторю свою идею о том, что фильм служит только тому, чтобы мысль смотрящего куда-то двигалась, находила аналогии в жизни, как вы это делаете, или отвечала бы вам (я имею в виду — зрителю) на какие-то ваши собственные вопросы. Думать, что там с ней произойдет дальше, честно говоря, пустая трата времени. Рассуждать мы можем сколько угодно, а будет то, что будет с нами.

Если мы бессильны порой с самими собой, что можно говорить о другом? Спасешь себя — спасешь целый мир, так ведь, кажется, сказано? Вам и той аудитории, которая здесь представлена, легче на эти темы рассуждать, чем мне. Я в растерянности, я не знаю, что будет с ней, с нашей героиней, я не понимаю, как она дошла до жизни такой? Что случилось со всеми нами? Что происходит со страной? Фильмы — это все, что я могу делать, и не более того: ни советов, ни рецептов, ни адресов, по которым нужно обратиться за спасением, я не знаю. Это дело личное — каждого. Вот и всё.

Юлия Балакшина: У меня было несколько опытов обсуждения этого фильма, и каждый раз эффект был один и тот же. Дело в том, что я с разными людьми обсуждаю разные фильмы, и очень часто бывает трудно выйти на какую-то важную проблематику. Люди «бродят» по сюжету, а часто и просто по фабуле, и ни о чем с ними не договоришься, на глубину не нырнешь. С «Еленой» у меня каждый раз было ощущение, что нырнуть на глубину можно буквально с первого вопроса. И я очень благодарна Вам и этому фильму за то, что он не просто ставит вопрос, а ставит вопрос так, что в поисках ответа на него можно делать вот этот шаг в глубину. И это так же важно всем, кто собрался в этой аудитории. Завершая нашу встречу, от общего лица выражу большую признательность, большую радость от того, что наша встреча состоялась и что какие-то внутренние смыслы в этом диалоге удалось обрести.

* флешбэк (flashback) — кинематографический прием, представляющий собой «отсылку в прошлое»

NON LICET VOS ESSE: ВАМ НЕ ДОЗВОЛЕНО БЫТЬ

Фото Александра Волкова

На открытии выставки «Non licet vos esse: вам не дозволено быть». 25 апреля 2012 г.

Окончание. Начало на с. 3

Светлана Чукавина, руководитель авторского коллектива выставки, рассказала о том, как создавалась выставка: сначала планировалась выставка о событиях в Шуче, с которых началась активная фаза кампании по изъятию церковных ценностей. Но по мере подготовки проекта оказалось, что невозможно не сказать о том, что происходило в 1922 году в Москве, в Санкт-Петербурге и по всей стране. Светлана Чукавина подчеркнула, что в ходе этой кампании власть очень активно использовала идеологическую пропаганду, клеветала на церковь, и во многом эта клевета не развенчана до сих пор. Она поблагодарила всех, кто помог с организацией выставки, в том числе исследователей из Ивановской области, в частности, из Литературно-краеведческого музея имени Константина Бальмонта и отдельно — Юрия Иванова, доктора исторических наук, заведующего кафедрой Шуйского государственного педагогического университета.

Екатерина Ставровская, старший научный сотрудник Литературно-краеведческого музея имени Константина Бальмонта, в свою очередь поблагодарила соучредителя выставки — Преображенское братство и рассказала о том, как сохраняется

память о тех трагических событиях в Шуче. По ее словам, важным этапом в этом стала установка в городе Шуче в 2007 году памятника, посвященного погибшим в 1922 году. Екатерина Ставровская отметила, что установка памятника — первый шаг к покаланию: «Важно, что он есть. То, что память должна была быть увековечена, не вызывает никаких сомнений. Памятник стоит на самом многолюдном месте — проходя мимо памятника, люди задумываются, и многие начинают интересоваться теми событиями».

Затем Светлана Чукавина провела первую экскурсию по выставке. Гости имели возможность ознакомиться с редкими документами, газетами и фотографиями 1920-х годов из архивов, библиотек, музеев Москвы, Петербурга, Шучи; личными вещами, принадлежавшими новомученикам и исповедникам Российским.

Голод в Поволжье; воззвания патриарха Всероссийского Тихона и помощь церкви голодающим; документы и действия большевистского правительства во главе с Лениным и Троцким, направленные на то, чтобы дискредитировать церковных людей; святотатственные действия по изъятию церковных ценностей из храмов; уничтожение культурных ценностей; судебные процессы, на которых приговаривались к смертной казни достойней-

шие люди — как из духовенства, так и из мирян; поливание грязью церкви на страницах газет — материалы по всем этим и многим другим вопросам, представленные на выставке, составляют единую картину того страшного времени.

Как один из итогов кампании — было изъято церковных ценностей на 4 650 810 рублей, только 1 миллион из которых пошел на помощь голодающим. Вместе с тем до начала кампании, к февралю 1922 года, вопреки стремлениям властей ограничить или вовсе запретить церкви помогать голодающим, она собрала в помощь более 8 926 000 рублей, не считая ювелирных изделий, золотых монет и продовольственной помощи.

Кампания по изъятию на деле обернулась внешним и внутренним разорением церкви. Обнаружились первые следствия антирелигиозных кампаний, которые проявились в первую очередь в уходе из церкви той части населения, которая прежде относилась к ней индифферентно и являлась православной только формально. Вместе с тем, в начале 20-х годов возникали союзы христианской молодежи, православные братства, что свидетельствовало об укреплении религиозной жизни (подавляющее большинство членов этих братств были репрессированы позднее). Это был очень трудный период для церкви, и, тем не менее, она училась жить и действовать в этих условиях — без тесных связей с государством, свидетельствуя о Христе и Его Церкви.

В завершение экскурсии Дмитрий Гасак отметил, что, изучая материал выставки, можно почувствовать дух того времени, о котором уже никто практически не помнит, когда власть говорила церкви — «не должно вам быть»; и вся политика советского правительства была направлена на разрушение и слом церкви как того института, того организма, где хотя бы есть возможность различать добро и зло, отличать правду от лжи.

После экскурсии гости обменялись своими впечатлениями от выставки, и прозвучало предложение о проведении выставки в первую очередь в Москве, в том числе в храме Христа Спасителя, — в свете антицерковных выступлений, которые все чаще звучат в СМИ, выставка, несомненно, является словом в защиту церкви.

Дарья Макеева
Информационная служба
Преображенского братства

Какое будущее нам желанно

Интервью с Н.В. Брагинской, одним из основателей общества «Мемориал»

— **Нина Владимировна, какковы Ваши общие впечатления от выставки?**

— Я зачитываюсь тем, что здесь есть, и вникаю в обильные детали.

Вот сейчас на стенде я прочитала часть письма Троцкого. Этот текст я не знала или позабыла. Очень поучительно. Это свидетельство о сути политики: политики всегда используют что бы то ни было в своих целях самым бессовестным образом. Когда сталкиваешься с властью и тебе кажется, что твои мысли ее интересуют, что она поможет тебе что-то воплотить, что ты можешь что-то сделать важное и прекрасное, опираясь на ее могущество, — вспомни это письмо, подумай, не являешься ли ты тем, кого используют, как использовали обновленцев против «реакционного» духовенства, предполагая их тоже уничтожить, но во вторую очередь.

Когда в начале перестройки стало возможным что-то делать и было много разных возможностей попытаться изменить жизнь, мы с мужем, Дмитрием Леоновым, одним из основателей «Мемориала», уже тогда решили, что самое правильное — это заняться памятью всех жертв, потому что именно террор у нас был самым «демократическим». Не было категории, которую он бы обошел. Он затрагивал священников, атеистов, коммунистов, монархистов, балерин, дворников, домохозяек, военных, учителей, земледельцев, авиастроителей, все народы и все возраста... И этот опыт настолько просвещает, что способен помочь понять, какое будущее нам желанно. Мне не очень нравится то, что получилось из нашего «революционного» периода, но не могу и сказать, что я тогда знала точно и твердо, «что нужно делать».

Мы думали, что восстановление памяти о подлинной истории, о ее «святых, зарытых, как собаки» будет несомненным благом, что на этом пути мы не навредим своей стране и народу, а, может быть, сделаем и что-то полезное.

— **Как Вам кажется, удалось власти «переиграть» церковь в ходе кампании по изъятию церковных ценностей?**

— Ну что тут говорить... Это была не игра, а террор, подавление. Религиозность на десятилетия стала чем-то отжившим, как монархия, эпохеты, классическая филология и гуманитарки.

В целом же власти удалась культурная революция. Немного можно назвать в истории крупных «проектов», которые бы осуществились так, как были задуманы. Культурная революция «удалась». Была создана «трудовая интеллиген-

ция», всем обязанная новой власти, влияние церкви на общество было минимально. Произошел разрыв преемства и в светской, и в духовной науке. Но раз церковь возродилась, значит, было чему возрождаться.

Беседовала Юлия Балакшина

НЕ БЫЛО НИ ОДНОГО НЕ РАЗГРАБЛЕННОГО ХРАМА

Своими впечатлениями делятся гости, приехавшие на открытие выставки

КАКОВО ВАШЕ ОБЩЕЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ О ВЫСТАВКЕ?

Иван Цыков, научный сотрудник мемориального комплекса «Медное»: Меня порадовала информационная насыщенность и доступность материала — доступность, но не в ущерб качеству.

1918–1940 годы церковной истории, отношения церкви и государства в этот период — моя специализация как учено-го-историка.

И меня очень порадовало, что любой человек, который просто имеет самое общее представление об истории Рос-

Борис Беленкин, историк, заведующий библиотекой общества «Мемориал», член правления общества «Мемориал»: Очень информативная выставка. И это понятно, если учитывать, что само событие люди знают очень мало. Оно обычно воспринимается, о нем знают в контексте других событий, оно как бы «тонет» в них, становясь всего лишь некоей иллюстрацией к истории голода, истории гонений на церковь, внутренней политики советской власти в целом. На самом же деле это, конечно, совершенно особое, самостоятельное событие, судьбоносное для истории церкви и страны. Поэтому очень важно, что выставка посвящена именно этому. Как я понимаю, техническое исполнение позволяет показывать ее в других местах...

— *Предыдущая подобная выставка уже побывала во многих городах, и везде она обрала экспонатами.*

Борис Беленкин: Я думаю, здесь тоже надо к этому стремиться, хотя с экспонатами будет сложнее, потому что все-таки сама тема выставки — и это понятно — сильно ограничивает ее во времени, и это время наиболее давнее в рамках эпохи репрессий советского периода. Если от 1940-х и даже 1930-х годов что-то осталось, то экспонатов 1920-х годов, к сожалению, сохранилось очень мало. Хотя событие затронуло всю страну, но в некотором смысле оно «локально»: это определенные храмы, определенные епископы, определенные тексты, определенные газетные кампании... И все это тоже причины того, что сегодня очень трудно обнаружить в семейных архивах, в частных собраниях материальные предметы эпохи, предметы, иллюстрирующие события 1922 года.

ЧТО БЫЛО ДЛЯ ВАС ОТКРЫТИЕМ НА ЭТОЙ ВЫСТАВКЕ, КАКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ВОЗНИКЛИ?

Иван Цыков: Меня всегда поражает, что какие-то предметы все-таки сохраняются. Иногда думаешь, что в этой эпохе не могло уцелеть ничего ни от одной яркой личности, из тех, кто побывал в лагерях, потому что лагерь не позволяет ничего сохранить. И то, что крест иеромонаха Варсонофия, одного из руководителей Александро-Невского братства, дошел до наших дней, — это как найти какого-то родственника, о котором думаешь, что он давно почил, а он, оказывается, жив, вот он.

Борис Беленкин: Не открытием, а скорее сильным впечатлением. Мы все знаем о мученичестве, знаем, как люди умирали и где. Догадываемся, что происходило, понимаем, каковы масштабы катастрофы. Но у этой человеческой трагедии

Борис Беленкин

есть еще очень важная составляющая, и именно на этой выставке она видна. Я имею в виду следующее. Пафос выставки именно в том, что советская власть была властью грабительской. Здесь становится очевидным, что даже вся их идеология отступает на задний план, и вперед выступает обычный грабей. И мы понимаем: не было ни одного не разграбленного храма — даже не в связи с помощью голодающим, а вообще. С начала 1920-х годов, даже раньше, сразу же после 1917-го, все 20-е и 30-е годы идет тотальный грабей. Церкви закрывались — и грабили, семья священника арестовывалась с грабежом. Я уже не говорю про 1930-е годы, про все эти «безбожные пятилетки» и т.д. Но история 1922-го года — это именно показательный грабей, которого власти совсем не стеснялись. И увидеть именно эту грабительскую сущность режима очень важно. Люди приходили, грабили, и все. Куда это все девалось, это уже вопрос другой. Такое грабительство буквальное, не в переносном смысле, метафорическом каком-то, не экспроприация у каких-то капиталистов — классовых врагов...

— *Ну, это явный был лозунг: грабь награбленное.*

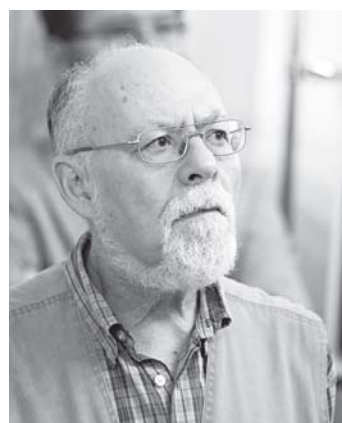
Борис Беленкин: Да, но тут-то речь идет не о награбленном.

— *Тем не менее, пытались создать именно такое впечатление. Хотя на самом деле все, что было у церкви, это было то, что жертвовали поколения людей, причем с определенной целью.*

Борис Беленкин: Да. Власть проявила абсолютную безнравственность, не оправданную ничем. Грабили то, что было сделано для нужд церкви на народные деньги. То есть получается, грабили тот самый народ, любовью к которому все время клялись большевики... Неприкрытый грабей, и очень важно, что тотальный. Мы должны понимать, сколько было награблено и сколько людей было ограблено. Ведь верующие люди приносили в церковь на самом деле свою трудовую копейку. Да, это могло расходиться с идеологией власти, но человек приносил свою копейку, на эту копейку шили одежду, облачение священникам, покупалась утварь. Иногда серебро, иногда что-то с позолотой. Я ду-

маю, что степень возмущения и неприятия того, что происходило, связана именно с тем, что грабей коснулся всех.

Евгений Рашковский, историк науки и образования, русской философской мысли: Тематика эта не только российская и не только православная, но всемирная и всехристианская. Давайте посмотрим, что было в истории: счет христианским мученикам Римской империи шел на тысячи, счет христианским мученикам в империи Сасанидов на гранах Древнего мира и Средневековья в Персии шел уже на сотни тысяч. Но то, что пережила Россия, совершенно беспрецедентно в истории. Счет шел на миллионы убиенных христиан. Это надо знать. Был и еще очень страшный «аккомпанемент» — гитлеровский аккомпанемент, когда также не подчитывалось, сколько сотен тысяч христиан, именно как

Евгений Рашковский

христиан, от Франции до российских просторов было истреблено гитлеровцами и их пособниками.

Но важно не забывать и то, что и сейчас это продолжается. Убийение христиан в «третьем мире» таково, что счет идет уже на десятки, если не на сотни тысяч. Давайте посмотрим, что происходит: в Южных Филиппинах мусульманские экстремисты убивают христиан, очень часты убийства христиан в Индии, Ираке, Африке; сейчас, я думаю, те же самые механизмы запускаются в Сирии и отчасти в Египте. Вселенская Церковь, которая превышает конфессиональные различия, являет все новые и новые жертвы.

Открытием же прежде всего стало то, что мы не знаем, какое будущее нас ждет, но должны быть готовы к любым поворотам событий. И эта выставка — не только свидетельство исторического торжества Церкви над опозорившим себя атеистическим режимом, пришедшим на смену самодержавно-церковному триумфализму, но и повод подумать о возможных испытаниях будущего. Подумать о нашем призвании достойно жить в Церкви, в обществе, в мире.

Беседовала
Александра Колымагина
Фото Александра Волкова и
Дмитрия Писарева

Колонка редактора

ОБ АНТИСЛОВЕ

Полоний. Что читаете, милорд?

Гамлет. Слова, слова, слова...

Полоний. А в чем там дело, милорд?

Гамлет. Между кем и кем?

Полоний. Я хочу сказать: что написано в книге, милорд?

Гамлет. Клевета¹.

Когда я недавно была на открытии выставки, посвященной волне гонений на церковь 1922–1923 годов, то, как редактор, невольно зачиталась подборкой газетных публикаций того времени. Теперь, издавая, иногда начинает казаться, что «Изнестия», в которых нет правды, и «Правда», в которой нет известий² настолько наглядно изобличали сами себя, что ошибался лишь тот, кто хотел обмануться. Да нет, это совсем не так. Хорошо знакомая нам по нынешним СМИ игра на очевидных реакциях и инстинктах, игра, ведущаяся на самых разных уровнях восприятия и интеллектуальной подготовленности (так хорошо описанная Люисом в «Мерзейшей мощи»), могла действительно подавить и увлечь тех, кто не имел духовной опоры.

Когда эти вещи, даже хорошо известные, видишь воочию, перелистывая удобные стендики с увеличенными газетными вырезками, не можешь удержаться от странного чувства — смеси глубокой грусти и отвращения. Журналистика, «вторая древнейшая профессия»³, оказалась особенно уязвимой под напором советской власти. Все оппозиционные издания были немедленно закрыты, и не позднее 1918 года прекратили существование все церковные издания (до 1989 года с середины 1930-х существовал с перерывами лишь ничтожный по тиражу «Журнал Московской патриархии», да и он был вынужден, скажем, в марте 1953 года публиковать скорбно-славословный некролог великому палачу народов). И если сначала огородниковский Христианский семинар могли худо-бедно терпеть, то на третьем номере журнала «Община» этих совсем еще молодых людей забрали всех и посадили на очень приличные сроки. Были, напомню, 1970-е годы.

И вот вдруг в начале 1990-х все разрешили по-настоящему. Стало можно, и еще более возможно, и совсем уж без всяких запретов в самом деле можно говорить правду в СМИ. И слово, накопившее огромный нравственный капитал, зазвучало миллионными тиражами. И — не стало жизнью, не воплотилось. Воплотились же смутные серые тени, которые за завесой сверкающего слова правды поделили все, что еще оставалось от богатств страны, положили в карман и стали хозяевами жизни. И слово потихоньку — не резко, иногда почти незаметно — стало вновь уходить под контроль теперь уже новых хозяев, которые могли не закрыть или посадить, а попросту купить.

И за каждым, даже искренним, словом невольно стал разыскиваться подтекст и заказчик.

Конечно, все это не что-то экстраординарное, никогда раньше не случавшееся — в конце концов, присловье о «второй древнейшей» родилось не в советском и не в постсоветском контексте.

Просто мы в краткий исторический период со слишком разными сторонами столкнулись с этим явлением антислова — то есть того, что кажется словом, но на самом деле им не является. И постепенно сами так часто стали даже не бессловесными, а «вместословесными»...

Как выбраться из этой ловушки, как вернуть смысл и подлинность сказанному, написанному, изданному слову?

Наверное, было бы легкомысленно предлагать здесь свой ответ. Надо просто пытаться это делать — так же упорно, как упорно преодолевал немоту в преемстве «Зеркала» человек, вымучивший из себя наконец самые важные для человеческого в нас слова: «Я могу говорить».

Александра Колымагина

¹ Перевод Бориса Пастернака.

² Распространенная уничижительная характеристика («первой древнейшей профессией» считается проституция).

Иван Цыков

сии XX века, сможет, по моему мнению, познакомившись с материалами выставки, воспринять ее и понять, что до него хотят донести авторы.

Еще мне очень понравились экспонаты, сохраненные Евгением Миллер, которые ныне хранятся у о. Павла Адельгейма, псковского священника, который в свое время воспитывался, жил и общался в той церковной среде, которая формировалась на рубеже XX века и в 1920-е годы. Евгения Миллер, как член Александро-Невского братства, была сослана в Среднюю Азию, где, насколько я помню, входила в общину о. Гурия. В этой общине уже в послевоенное время воспитывался о. Павел Адельгейм, с которым я имел честь лично познакомиться. И для меня эта личная сопричастность очень важна. От настоящего дня — 25 апреля 2012 года такая живая ниточка устанавливается с той трагической эпохой, 90 лет назад.

— *Тем более что и сам о. Павел является исповедником веры, одним из последних ныне живущих.*

Иван Цыков: Это человек, который много лет провел в лагерях, потерял ногу и все равно сохранил мужество продолжать своё служение, выстроил храм в те годы, когда это было совершенно невозможно. Я имел честь с ним общаться в прошлом году и до сих пор нахожусь под впечатлением его простоты и богато-го жизненного опыта, которым он щедро делится.

«Я еще не все сделал»

Окончание. Начало на с. 1

В последние годы жизни архиепископ Михаил спрашивал о. Георгия: «Что еще я могу сделать для Вас, для вашего Института, для вашего братства? Я еще не все сделал! Все, что Вы скажете, все, что Вы попросите — я готов сделать!» У владыки было особое доверие к братству. Когда в 1997 г. о. Георгий и двенадцать членов братства оказались под несправедливыми прещениями, владыка очень переживал об этой ситуации, воспринимая ее как церковную трагедию. В 1999 г., находясь на покое, живя очень скромно в «хрущевской» квартире, он подписал одно из писем в защиту о. Георгия и братства — письмо, которое к тому времени уже подписали Н.А. Струве, С.С. Аверинцев, матушка Иулиания Шмеман, П.И. Мейендорф и другие достойнейшие люди. Когда владыка выслушал фамилии подписавших, он сказал, что считает за честь быть в такой компании.

Тогда же владыка Михаил составил предисловие к «Катехизису» о. Георгия. В то время он был уже совсем слепым и не мог читать и писать, но ему читали «Катехизис» вслух, а он диктовал свое благословение и предисловие. Он прекрасно понимал, что это вещи живые, практические, что они не плод каких-то абстрактных умозаключений или утилитарных моментов. Отмечая всю бедность современной богословской литературы, он писал о «Катехизисе»: «Книги, в которых делаются попытки, с одной стороны, современного объективно-научного, а с другой, — традиционно-церковного подхода к целостному преподаванию основ православного вероучения, имеют в настоящее время особую ценность, <...> ибо все то, что было написано в этой сфере ранее, несмотря на все богатство содержания, носит печать своего времени, отстоящего от нас, по меньшей мере, почти на целое столетие. Современный подход современного человека к вечно актуальному, вечно живому содержанию слова Божьего представляется человеку, не только его знающему, но и любящему его, живущему этим словом, необходимым.<...>

Можно только радоваться и благодарить Бога за то, что в наше вре-

мя... находятся люди, берущие на себя гигантский труд освоения и преподавания слова Божия людям, готовящимся войти в Церковь.

Я призываю Божье благословение на создателей этой книги и желаю ее дальнейшего печатания и широкого распространения для того, чтобы как можно больше желающих стать членами Церкви и тех, кто уже является ими, могли усваивать все то, что автор хочет донести до сознания, до чувств, до духовной сущности всех и каждого».

Также радовали владыку соборы и конференции Преображенского братства, в которых он принимал участие, считая, что на них происходит нечто принципиально важное, именно то, чего жаждало его сердце, исходя из духа христианской веры.

Александр Михайлович Копировский, вспоминая участие владыки в заседаниях братского собора 1995 г., говорил: «Владыка... непосредственно участвовал в обсуждении. Он очень понравился всем присутствующим какой-то внушительностью и весомостью суждений».

Сам же владыка так говорил про ежегодные конференции Преображенского братства: «Я считаю, что эти собрания очень интересны как по составу участников, так и по своей устремленности. Нет никакого сомнения в том, что такого рода деятельность дает надежду на будущее, дает надежду на то, что все большее количество людей будет сначала осознавать необходимость каких-то сдвигов в нашей общественной и, особенно, в церковной жизни и, мало того, что будет осознавать, но будет практически реализовывать эти идеи».

Владыка Михаил был не только членом попечительского совета Свято-Филаретовского православно-христианского института, он был братским по духу человеком и другом Преображенского братства. Верим, что и теперь он предстает перед престолом Божиим и является ходатаем о полноте общинной и братской жизни в Русской церкви, в том числе и о нашем братстве.

Анна Сахарова,
Преображенское братство
Май 2012 г.

Владыка Михаил на агасе Преображенского братства. За столом сидят академик С.С. Аверинцев, священник Георгий Кочетков, священник Иоанн Привалов, А.М. Копировский. Преподнесение Господне, 1995 г. (фото Анатолия Мозгова)

ОДИН ИЗ САМЫХ ЯРКИХ АРХИЕРЕЕВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Сто лет назад, 12 мая 1912 года, в Санкт-Петербурге родился замечательный человек, которому было суждено стать одним из самых ярких архиереев Русской Православной церкви второй половины XX века. Речь идет об архиепископе Михаиле (Мудьюгине).

Главной его отличительной чертой была всесторонняя образованность. Это было очень заметно при общении с ним. Автор этих строк был свидетелем того, как естественно и непринужденно владыка Михаил пытался объяснить нам, тогда несмышленым школьникам, разницу между православным и католическим пониманием спасения на примере немецкого Erlösung. Обращение к немецкому языку было вполне естественно — по первому высшему образованию владыка был переводчиком с немецкого. Впоследствии любовь к языкам проявилась в полной мере — владыка Михаил в совершенстве знал латынь (грамматически близкую немецкому), мог говорить по-английски, по-польски, по-чешски, по-фински, читал на нескольких языках.

Его церковная деятельность проявлялась в трех направлениях. Владыка менее всего известен как правящий архиерей, хотя в таком качестве он пробыл долгие 25 лет, возглавляя Астраханскую и Вологодскую епархии. Больше известно о его участии в экуменических инициативах Русской церкви, в таких как конференции Всемирного совета церквей, богословские собеседования между Русской Православной и Евангелическо-лютеранскими церквями Германии и Финляндии и других. Имея в виду его экуменическую деятельность, владыку Михаила часто представляют как сторонника безоговорочного соединения церквей. Это не вполне верно. В конце жизни православный архиепископ Михаил был многим обязан протестантским общинам Санкт-Петербурга, которые помогали ему продолжать проповедническую деятельность (выступая перед протестантами, владыка неизменно подчеркивал, что он — архиерей Русской Православной Церкви). По опыту общения с представителями инославных христианских конфессий он знал, что они настроены на конструктивный диалог и вполне доброжелательны к православным. Однако необходимо отметить, что на богословских собеседованиях владыка последовательно отстаивал православную позицию по ключевым богословским вопросам, а широкая образованность и культура позволяли ему аргументированно доказывать свою правоту. Лютеранские богословы очень ценили искренность и богословскую эрудицию владыки Михаила. Более того, именно он зачастую был автором итоговых положений собеседований, с которыми соглашались и оппоненты православных делегаций.

Третьим направлением его деятельности было преподавание в Ленинградских—Санкт-Петербургских Духовных школах. Впервые бу-

Фото с сайта: isidorovskaya.spb.ru

душий владыка, а тогда Михаил Николаевич Мудьюгин, появился в стенах Академии еще будучи доцентом Горного института — приходил слушать яркие проповеди протоиерея Александра Осипова, знаменитого своим уходом из Церкви. Студентом семинарии священник Михаил Мудьюгин стал почти сразу после рукоположения в Вологде в священник сан. С этих пор и практически до смерти владыка почти не прерывал своего общения с alma mater. Еще не окончив семинарию, он начал собирать документы для поступления в Академию, а после знакомства с митрополитом Никодимом в конце третьего курса будущая преподавательская деятельность отца Михаила в стенах ЛДА была предопределена. Став сначала преподавателем латинского языка, в течение двух лет о. Михаил последовательно был возведен в протоиереи, стал деканом

Факультета африканской христианской молодежи (подразделения Академии, созданного митрополитом Никодимом, чтобы с его помощью уберечь Духовные школы от закрытия), получил ученое звание доцента, был назначен помощником инспектора, а затем исполняющим обязанности инспектора. В октябре 1966 года он стал ректором Академии, а через месяц, после монашеского пострига, был рукоположен во епископы. Так началось его архиерейство.

Ректорство владыки Михаила было недолгим — всего два года, когда он был переведен на Астраханскую кафедру. Тогда же прервалась и его преподавательская деятельность. Однако, уезжая в свою епархию, он обещал не прерывать связей с родной Академией. Владыка перечислял свои собственные средства в качестве пожертвования на нужды Духовных школ, а в 1972 году защитил магистерскую диссертацию «Православное учение о личном спасении», изданную в 2010—2012 годах в Санкт-Петербурге издательством «Сатис». С 1975 года владыка снова начал преподавать, а в 1980 году был утвержден в звании профессора. Архиепископ Михаил оставался преподавателем вплоть до 1999 года, когда, проживая на покое в Петербурге, перенес серию инфарктов, после которых руководство Академией сочло невозможным более нагружать его работой.

Владыка очень любил служить, проповедовать и преподавать, был очень интересным собеседником. Поэтому он тяжело переживал свои физические немощи, невозможность совершать богослужение, разлуку с родной Академией. После его смерти близко знавшие владыку люди стали собирать его наследие и проводить посвященные ему вечера памяти, ставшие регулярными с 2008 года. Была издана магистерская диссертация, брошюра с высказываниями владыки. В Интернете действует интернет-музей архиепископа Михаила, а на портале Христианин.СПб есть статьи владыки и фотографии разных лет. Можно только радоваться, что память о нем жива и наследие не забыто.

Священник
Константин Костромин

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕННОГО СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор: А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29
Тел./факс: (495)624-9250

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru
Электронная версия газеты: gazetakifa.ru

Подписной индекс
в агентстве Роспечать — 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Ирина Кольцова, Лариса Мусина

Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
© Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФП — ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.
Телефоны распространителей
Москва: (495)314-2596 (Александра Ошарина), +7-965-146-14-56 (Анна Гринман), (495)342-6306 (Марина Чиркова)
Санкт-Петербург: +7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная)
США, Канада: 1-651-210-4922, aleg@voskres.net (Олег Воскресенский)
Архангельск: +7-921-073-3276 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-812-5959 (София Кудряшева)
Воронеж: +7-950-763-5035 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-0391 (Татьяна Благодарова)
Рязань: (4912)99-1425 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-964-300-9145 (Светлана Папиловская); +7-964-296-9042, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: (4872)37-5782 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-4305 (Ольга Кузнецова)

GAZETAKIFA.RU

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г. Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Сушевский вал, д. 49. Тираж 1300. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 9 мая 2012 г. Время подписания в печать: по графику — 9.00, фактическое — 9.00. Дата выхода в свет 12 мая 2012 г.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА РАЗМЫШЛЕНИЙ ИЛИ ИЗ КАКИХ ЛЮДЕЙ ПОЛУЧАЮТСЯ КАТЕХИЗАТОРЫ

Интервью с ректором Свято-Филаретовского института священником Георгием Кочетковым

Окончание. Начало на с. 1

И здесь очень важно понимать, что *обожение* человека совершается с самого начала оглашения, с первого этапа. Начал человек оглашение — и уже можно говорить, что начинается его *обожение*. Хотя обычно такие слова боятся произносить или даже не знают, что это такое. Однако святые отцы говорили об *обожении* именно в таком ключе: что, мол, конечно, *обожение* имеет много ступеней и может иметь разные степени совершенства (это тоже понятно, потому что окончательное *обожение* вообще возможно только в Царстве Небесном, за пределами человеческой истории), но тем не менее, начинается оно именно с того момента, когда человек только хочет открыть и реально приоткрывает свое сердце Богу, Христу, Духу Святому и ближнему, Божьему творению, Божьему миру. Этот процесс начинается тогда, когда человек видит, как поражен этот мир грехом, как поражен он страстями, насколько этот поврежденный мир готов сам изнутри себя генерировать зло, ведь зло рождается не в качестве той или иной реакции, а изнутри, и вся невеста, клевета, раздоры, распри, разделения, всё, что относится к самым тяжким грехам и всякого рода похотям, — вся эта чернота идет изнутри. И именно этому должен противостоять катехизатор, как и сам человек, желающий жить с Богом и в Боге.

— Вы сказали о том залоге, который должен быть в человеке, для того чтобы он вообще мог думать о том, чтобы быть катехизатором. Но ведь дальше нужно к этому служению готовиться. Вы сразу думали о том, что это будет длительная, серьезная подготовка, вхождение в полноту традиции, или считали, что здесь возможно ограничиться какими-то минимальными требованиями? Если да, то какими?

— Я не случайно говорил о том, что проблема подготовки катехизаторов возникла передо мной тогда, когда я заканчивал свою большую теоретическую работу. Ценность ее для меня заключалась в том, что в ней весь процесс катехизации удалось увидеть в целом, то есть как некую целост-

ность. И это было чрезвычайно важно, потому что в этом контексте невозможно было ставить вопрос только практически, утилитарно, так сказать, «делопроизводительность».

Конечно, подготовка катехизаторов — это в любом случае длительный процесс, который связан с воцерковлением самого катехизатора, так же как и с его личным *обожением*. Это вообще очень важно: всегда чувствовать, что «уча других, учусь сам». Катехизатор никогда не может поставить себя выше других сам по себе, хотя Господь и ставит его выше по отношению к оглашаемым. Как мы знаем, по отношению к ним катехизатор — иерархическое лицо, он совершает священнослужение, ведь его служение — это служение Богу и ближним. Служение церковных учителей — одно из величайших служений, оно близко к служению апостолов и пророков, и в него безусловно входит как главная составляющая часть служения катехизатора.

А уже те или иные правила и требования возникали потом, из практики, особенно когда она стала множественной. Ведь она проходила в самых разнообразных условиях, и, конечно, у катехизаторов возникали вопросы, возникали из жизни, и мне приходилось на них отвечать. И тогда стало ясно, что для того, чтобы подготовить катехизатора, во-первых, нужно, чтобы он что-то знал, чтобы он сам владел традицией достаточно полноценно. А значит, он должен иметь духовное образование, лучше высшее, хотя бы бакалавриат, или, в крайнем случае, незаконченное высшее, но так, чтобы он уже изучил миссиологию, катехетику и гомиетику. Во-вторых, нужно, чтобы он прошел специальную подготовку, имел особую начитанность в этой области, как и определенный культурный уровень. И еще нужно, чтобы он не был занудой, не усыплял оглашаемых, чтобы дух его был огненным, живым, настоящим. Бывают люди по характеру немного замедленные, что называется, тугодумы, и в таком случае им надо это в себе преодолевать, как бы это ни было трудно.

Принципиально важно, чтобы катехизатор мог отвечать за лю-

Ректор СФИ проф.-свят. Георгий Кочетков с участниками конференции «Традиция святоотеческой катехизации: проблемы и критерии качества оглашения современных «слушающих»». В кулуарах после заседаний. 26 мая 2011 г.

дей, любить их и проявлять свою любовь к ним, но без крайностей, никого к себе не привязывая. Потому что один из главных возможных грехов катехизатора — это как раз явное или неявное стремление привязать оглашаемых к себе или к своим интересам, что еще хуже. Никогда нельзя корыстно относиться к катехизации и нельзя привязывать людей к себе.

Все эти правила рождались постепенно, изнутри практики, изнутри жизни, потому что самый лучший учитель здесь — это Господь, это наша церковная жизнь, тем более когда это жизнь братская, общинная. На всё это, конечно, ушло много-много лет, собственно, все те сорок лет, что у нас ведется катехизация и накапливается современный живой опыт ее проведения. И вот уже четверть века мы всерьез размышляем о подготовке катехизаторов.

Я очень рад, что благодаря этому мы нашли так много общего и с тем, что писали святые отцы, и с тем, что говорили новомученики и исповедники Российские, и с теми размышлениями и той практикой жизни, которую обрели как великое и новое богатство в церкви наши эмигрировавшие соотечественники, вынужденные в XX веке скитаться по разным странам и континентам и также прошедшие через горнило великих страданий. Именно

поэтому их подвиг учителен, и главное, их опыт подлинен. И когда мы практически всё время находим параллели, иногда даже буквальное совпадения, с этим опытом церкви, мы, конечно, очень радуемся, потому что это свидетельство — пусть пассивное, неактивное (ведь это свидетельство людей уже ушедших), но мы воспринимаем это как свидетельство того, что та катехизация, тот опыт, который мы практикуем, и есть опыт церковный, святоотеческий, и остальные формы катехизации, которых может быть очень много, тоже должны ориентироваться на эту норму, хотя часто и приходится в том или ином отношении отступать от нее.

— Что наиболее кардинально менялось за эти двадцать пять лет в Вашем подходе к подготовке катехизаторов?

— В самом подходе, конечно, ничего не менялось. Как может что-то поменяться, когда это укоренено в церковном, духовном опыте, в Священном писании, в опыте святых отцов, новомучеников и исповедников? А вот формы катехизации, конечно, менялись, и в соответствии с этим что-то менялось и в подготовке катехизаторов. Нужно сказать, что все формы этого опыта интересны. Мы постоянно размышляем о его

новых аспектах: например, о том, как вести краткую катехизацию или как быть с особыми катехизаторами. А значит, думаем и о том, как готовить к этому катехизаторов. Да и откуда возьмутся новые формы катехизации, если катехизаторы будут знать только что-то одно и не будут готовы ничего менять? Они должны быть очень гибкими, очень творческими, они должны действительно видеть жизнь и исходить из нее, они должны всегда собирать со Христом, а не расточать. Они должны не формально приводить людей в церковь, а действительно воцерковлять жизнь, то есть решать ту основную задачу, которая была поставлена в Русской церкви еще в начале XX века.

В интервью упоминаются следующие издания и статьи проф.-свят. Георгия Кочеткова:

1. Кандидатская (магистерская) диссертация «Таинственное введение в православную катехетику: пастырско-богословские принципы и рекомендации совершающим крещение и миропомазание и подготовку к ним». М., 1998. — 244 с. (закончена в середине 1980-х годов, защищена в Свято-Сергиевском православном институте в Париже в 1993 г.).
2. «Герасимовская» статья: Николай Герасимов. Вхождение в Церковь и исповедание Церкви в церкви // Вестник РСХД. 1979. № 128.
3. «Богдановская» статья: Богданов С.Т. Священство православных и баптистов // Вестник РХД. 1983. № 140.

КАК ВЫ ЗНАЕТЕ, ВСКОРЕ СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ИНСТИТУТ И ОРОИК КЕМЕРОВСКОЙ ЕПАРХИИ ПРОВОДЯТ КОНФЕРЕНЦИЮ ПО ПОДГОТОВКЕ КАТЕХИЗАТОРОВ. В СВЯЗИ С ЭТИМ ЗДЕСЬ, НА СВЕТОЙ СЕДМИЦЕ, ВОЗНИКАЕТ ВОПРОС: ЧТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО НЕОБХОДИМО ЗНАТЬ КАТЕХИЗАТОРУ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОМОЧЬ ОГЛАШАЕМЫМ ПОЛНОЦЕННО ПРОЙТИ СВЕТОЛУ СЕДМИЦУ, НАЧАТЬ ВХОЖДЕНИЕ В МИСТЕРИАЛЬНЫЙ, МИСТИЧЕСКИЙ И АСКЕТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЦЕРКВИ? ЧТО ЗДЕСЬ ЛИЧНО ДЛЯ ВАС БЫЛО ВАЖНО В ВАШЕЙ СОБСТВЕННОЙ ПОДГОТОВКЕ К ЭТОМУ СЛУЖЕНИЮ?

Сергей Нестерович (Гомель): Важнее не что, а с кем катехизатор совершает путешествие к Богу в Его Церкви. Ведь катехизатор-одиночка — это нонсенс,

Олег Ермолаев (Тверь): Для нас был очень важен опыт помощи братства на оглашении. Важно, чтобы оглашаемые чувствовали церковную среду вокруг себя

СВЕТАЯ СЕДМИЦА

На вопросы «Кифы» отвечают катехизаторы групп, воцерковившихся в Неделю жен-мироносиц

как и христиан-одиночка — не христиан. И тогда изнутри общей жизни становится ясно, что необходимо знать, как помочь другим... Думаю, что началом подготовки является вхождение в церковно-общину (экклесию). А затем начинается все самое интересное.

и могли видеть с самого начала определенное качество храмовой молитвы и самого общения между верующими. Чтобы они видели не потребительское отношение к церкви, а заботу о ней, некую жертвенность со стороны этих людей и сами учились этой жертвенности, послушанию, общению.

Что касается моей подготовки к Светлой седмице, то, поскольку я катехизатор молодой, я читал таинствоводственные беседы о. Георгия Кочеткова, смот-

рел свои записи с первой Светлой седмицы. Спрашивал других катехизаторов, как прошли предыдущие Светлые седмицы, какие есть особенности, связанные с тем, что оглашаемые меняются каждый год и на оглашении появляются какие-то новые нюансы.

Владимир Иванов (Екатеринбург): Прежде всего, катехизатор должен обладать личным опытом Светлой седмицы, и опытом глубоким, обладающим определенным качеством. Я думаю, что кроме этого он должен хотя бы один раз быть на Светлой седмице в качестве помощника, чтобы еще раз пережить ее — более продуманно, более ответственно и уже понимая, что это может быть подготовкой к служению. На мой взгляд, это центральные вещи.

Окончание на с. 2

Продолжается пасхальное крещение

В Неделю жен-мироносиц в Преображенском братстве воцерковились шестьдесят человек из девяти городов России и ближнего зарубежья

Праздничное пасхальное время как нельзя лучше подходит для вхождения в церковь новых членов, трое из которых приняли крещение, а большинство первый раз причастились в день, когда церковь вспоминает святых жен-мироносиц и праведных Иосифа Аримафейского и Никодима — тайных учеников Христовых. Встать на путь воцерковления им помогла катехизация — ответственное, последовательное и целостное научение основам христианской веры, молитвы и жизни.

Из церковного катехизического предания известно, что для тех катехуменов, которые по каким-то причинам не могли или не успевали креститься в сам праздник Пасхи, существовала возможность принять крещение через неделю или две после Пасхи и во все время, пока продолжалось празднование Воскресения Христова. Эта традиция сохранилась в богослужении, не случайно в течение сорока дней после Пасхи во время всех церковных богослужений и в домашней молитве поют пасхальный тропарь «Христос воскрес».

Святые жены-мироносицы первыми услышали от ангела радостную весть о воскресении Христа, а затем и увидели Самого воскресшего Господа и возвестили это апостолам. Мы все верим, что полученный дар новой жизни, дар Духа, наполняющий верующее сердце, не может употребиться только для себя, но понуждает христиан открыто и радостно делиться этим даром с другими. От «избытка сердца» в нормальном случае и совершается всякое настоящее миссионерство — свидетельство о Боге, Христе и Церкви.

Наталья Адаменко
Информационная служба
Преображенского братства

«ИДИТЕ И СДЕЛАЙТЕ УЧЕНИКАМИ ВСЕ НАРОДЫ»

Проповедь священника Георгия Кочеткова после чтения Евангелия на таинстве крещения
27 апреля 2012 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Братья и сестры христиане, Христос воскрес!

Мы с вами сейчас стали свидетелями того, о чем слышали из учения апостольского и евангельского. Мы свидетели того, что каждый, кто сросся со Христом в подобию смерти Его — а именно это происходит в крещении, — пребудет с Ним, сидящим по правую руку от Бога Отца, и в Воскресении, а значит, в Жизни непрестающей, непрекращающейся. Он будет с Иисусом Христом в Жизни вечной, в Жизни Отца в Небесном Царстве.

Но и до того, как откроется полнота этого Царства, мы можем засвидетельствовать, что мы становимся мертвыми для греха и живыми для Бога во Христе Иисусе. Мы должны считать себя мертвыми для греха, а это значит, что если грех к нам подойдет, подползет, подкрадется, то мы, подобно тем, кто не имеет в себе жизни, на него реагировать не будем, мы к нему приближаться не будем, мы с ним сочтаться не будем. Но вместо этого мы все более и более будем сочтаться с Самим Богом, «Творцом неба и земли, всего видимого и невидимого». Мы это с вами знаем, и поэтому с такой радостью признаем, что Бог дал Иисусу «всякую власть на небе и на земле» (Мф 28:18). Он сказал всем и каждому из нас: идите в этот мир, идите ко всем людям, к тем, кто страдает, и тем, кто внешне кажется благополучными, «идите и сделайте учениками все народы» (Мф 28:19).

Еще со времен Вавилонского столпотворения люди разделены по разным народам. Они разделены разными языками, культурами, традициями, разделены психологией, да и просто местом своего обитания. Люди разделены очень многими вещами, и это продолжается на протяжении многих веков. Часто народы враждуют друг с другом, не понимают друг друга, не доверяют друг другу, а вы идите к ним с радостной вестью, делитесь с ними своей верой, делитесь тем Светом, кото-

Фото Александра Волкова

Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облечлись. Аллилуйя!

рый дарует вам Бог. Идите и делайте их учениками Христа, погружайте их в Любовь — в благодать Отца, в благодать Сына, в благодать Духа Святого — и учите их соблюдать всё, что Христос-Мессия заповедал нам.

И это Господь дает нам как задание, которое мы должны исполнить уже здесь, на земле, в этой жизни, и Он утверждает: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф 28:20). То есть до самого конца человеческой истории, пока существует эта земля, пока длится эта история, Христос от нас не уйдет, потому что мы должны исполнить это Его задание, которое неимоверно трудно, однако нам надо его исполнить как волю Божию.

Будем же нести людям любовь и мир, а не вражду, не будем при этом руковод-

ствоваться своими интересами или предпочтениями, но будем использовать в своей жизни плоды того дара, который дал нам Господь в крещении. Христос сделал нас мертвыми для греха, чтобы мы жили для Бога, поэтому не будем сомневаться в том, что слово свидетельства о Жизни, о Любви, о Мире, о Свете, о Духе будет услышано всеми нашими ближними, если только мы будем иметь настоящую, искреннюю любовь к Богу и ближним, независимо от того, насколько они способны нас понять, насколько они в данный момент способны нас услышать. Будем действовать этой силой Любви, чтобы ее плодов на земле становилось все больше и больше и чтобы приближалось Царство Небесное!

Аминь.

СВЕТЛАЯ СЕДМИЦА

Окончание. Начало на с. 1
«Миссионерского обозрения»

Владимир Иванов: Конечно, катехизатор должен обладать определенным уровнем образования. Ведь чтобы раскрыть те темы, которые подразумеваются на Светлой седмице, — догматические темы, темы о литургических таинствах — катехизатор должен обладать свободным знанием предмета. И не просто знанием: нужно уметь связать знание предмета с непосредственной молитвенной жизнью, уметь показать, как это «работает» в жизни, иначе это будет чистая схоластика, совершенно неинтересная. Важно сделать ясным для новоцерковленных, почему догмат принципиально должен быть таким, а не каким иным, почему люди за это отдавали жизнь в свое время. Почему и для нас это так жизненно важно. Наверное, это неправильно называть знаниями или навыками, это скорее опыт, и для катехизатора это должен быть его личный опыт. Если для катехизатора самого жизненно важно православное исповедание Троицы, то он сумеет передать это и своим подопечным. Если это есть и для нас есть определенный уровень образования, в конце концов, просто умение выражать свои мысли, что тоже, конечно, очень важно, тогда Светлая седмица будет пройдена вполне качественно.

И поэтому моя подготовка связана именно с тем, что я как бы продумываю, как таинства раскрываются в непосредственной практике жизни, пытаюсь как-то «домолиться» до этого. Это дело не только головы, логики. Важно домолить-

ся до такого состояния, когда чувствуешь эту смычку между живой реальной жизнью и формулировкой догмата.

Конечно, это непростая задача, и я не знаю, насколько мне это удастся. Но я принципиально ставлю именно такую цель для себя и стараюсь к ней стремиться.

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАКАЯ ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ОГЛАШЕНИЯ, В Т.Ч. ТАИНСТВОВОДСТВА, АКТУАЛЬНА СЕГОДНЯ ДЛЯ ВСЕЙ ЦЕРКВИ?

Сергей Нестерович: Думаю, что ответ на этот вопрос находится в области ответа на вопрос о крещении: стоит ли медлить или торопиться с крещением? Из традиционного опыта мы знаем, что ни медлить, ни торопиться не стоит. Критерии определяются в глубоком отношении с оглашаемыми и личностном подходе к каждому и к группе людей.

Дьякон Павел: Оглашение нужно вести интенсивно, но людям нужно время, чтобы основополагающие вещи вошли, что называется, в плоть и кровь. Опыт показывает, что почти никогда не удается оглашать меньше одного года. В среднем на это нужно около полутора лет.

Владимир Иванов: Трудно сказать. Наверное, нынешняя практика Преображенского содружества вполне адекватна. То есть на Светлой седмице погружение «с головой»; здесь должны быть заложены какие-то опорные смысловые точки, некий фундамент, камни в основание. И дальше, наверное, неправильно на этом

сразу закончить. Действительно, после такого погружения люди могут сразу выпасть «в никуда», в духовную пустыню. Но нужен месяц-полтора, во-первых, для того, чтобы «добирать», вместе стараться отразить то, что было «впечатано» на Светлой седмице. Во-вторых, дальнейшие таинства тоже нужно «добирать», иначе они могут вообще остаться как бы недодуманными, и целостное представление о таинствах может быть не достигнуто. А это все-таки нужно сделать! Так что оптимальная продолжительность таинствоводства, в зависимости от возможностей для встреч, — месяц-полтора, может быть, около двух. То есть время от Пасхи до Пятидесятницы как будто для этого и создано.

ОГЛАШЕНИЕ НУЖНО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЧЕЛОВЕК ВСТРЕТИЛ ХРИСТА И ЦЕРКОВЬ. КАКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ЭТОГО ЕСТЬ В ВАШЕЙ ЕПАРХИИ? КАК УКОРЕНЕНИЕ В ЦЕРКВИ ПРОИСХОДИТ В КОНТЕКСТЕ ВХОЖДЕНИЯ В МЕСТНУЮ ПРИХОДСКУЮ ЕПАРХИАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ? КАКАЯ ЗДЕСЬ ДИНАМИКА, ЕСТЬ ЛИ ОНА?

Сергей Нестерович: В нашей епархии есть все необходимые условия для катехизации, нам же остается только увидеть и постараться восполнить то, что находится не столько в знании, сколько в опыте современного христианства, имеющего не только канонические границы церкви.

Олег Ермолаев: Слава Богу, у нас в Твери есть два православных братства, которые ведут такой образ жизни, который не-

безынтересен многим людям, ищущим смысла в жизни, своего призвания, какого-то нового качества жизни. Мы осуществляем различные миссионерские проекты, на этот год в их рамках запланировали чуть ли не по две встречи в месяц... Назвали этот план «От Пасхи до Пасхи».

В последнее время активную миссионерскую позицию стали занимать молодежные клубы при различных храмах Тверской епархии. Мы пытаемся с ними сотрудничать, общаемся, знакомимся, даже проводили несколько совместных мероприятий.

Владимир Иванов: Возможности такие же, как и в любой епархии. Слава Богу, в любой епархии есть верующие люди, верующее священство, есть евхаристия, есть храмы. И я думаю, что все это и открывает возможность для человека войти в церковную жизнь, действительно встретить Церковь. Хотя в пределах одной и той же епархии это может происходить очень по-разному. Например, в нашей епархии есть наше Свято-Екатерининское братство. И мы, конечно, приглашаем оглашаемых, новопросвещенных в наше братство. Не потому, что мы считаем, что мы лучше всех. Мы просто стараемся делиться тем, что мы сами знаем, что сами имеем. Но я думаю, что есть, конечно, и другие возможности в нашей епархии. Действительно есть хорошие приходы, где тоже есть какие-то сообщества людей, не чужих друг другу, искренне верующих, пытающихся жить по Евангелию.

Беседовала
Анастасия Наконечная